

12+

К. ТРУНИН

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Константин Трунин

**Салтыков-Щедрин. Критика
и анализ литературного наследия**

«Издательские решения»

Трунин К.

Салтыков-Щедрин. Критика и анализ литературного наследия /
К. Трунин — «Издательские решения»,

Знал ли Михаил Салтыков, к чему ему следовало готовиться в жизни? Попавший в опалу царя Николая I за мнение об изменчивости обстоятельств при сохраняющихся в неизменном виде проблемах. Это мнение Михаил пронесёт до смерти, застав изменение обстоятельств при Александре II, когда вслед за послаблениями не случилось ожидаемого разрешения проблем. После Салтыков видел сворачивание начатых реформ, вплоть до желания Александра III вернуть крепостное право.

© Трунин К.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Стихотворения (1840—44)	8
Рецензии (1846—48)	9
Противоречия (1847)	11
Глава (1847); Запутанное дело (1848)	13
Брусин (1849)	15
Письма 1839—52	17
Письма 1853—56	18
Губернские очерки (1856—57)	19
Невинные рассказы (1857—63)	23
Жених. Смерть Пазухина (1857)	25
Яшенька (1857)	27
Развесёлое житьё (1859)	28
Сатиры в прозе (1859—62)	30
Письма 1857—59	33
Письма 1860—68	35
Статьи 1856—60	37
Газетные статьи за 1861 год	39
Глухов и глуховцы (1862)	40
Глуховское распутство (1862)	42
Каплуны. Тихое пристанище. Тени (1862)	43
Миша и Ваня (1863)	45
Статьи из «Современника» (1863)	47
Фельетоны и юморески из «Свистка» (1863)	49
О творчестве Лажечникова и Фета (1863)	50
О компиляции и патриотизме (1863)	51
О поэзии и Скавронских (1863—64)	52
Очерки за январь-февраль 1863	54
Очерки за март 1863	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Салтыков-Щедрин Критика и анализ литературного наследия

Константин Трунин

© Константин Трунин, 2026

ISBN 978-5-0070-5991-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Знал ли Михаил Салтыков, к чему ему следовало готовиться в жизни? Ученик Царско-сельского лицея, поэт и литературный критик, попавший в опалу царя Николая I за мнение об изменчивости обстоятельств при сохраняющихся в неизменном виде проблемах. Это мнение Михаил пронесёт до смерти, застав изменение обстоятельств при Александре II, когда вслед за послаблениями не случилось ожидаемого разрешения проблем. После Салтыков видел сворачивание начатых реформ, вплоть до желания Александра III вернуть крепостное право. Всё это Михаил осмыслял в меру имевшихся у него сил, вследствие чего любой его текст заслуживал особо пристального внимания цензуры.

Будучи человеком, подготовленным для чиновничьей деятельности, он видел происходившее изнутри. Мешало Салтыкову единственное — неуживчивый нрав. Причём он мог действовать словом, либо привлекая на помощь других. Так, будучи чиновником, он запрашивал применение военной силы, потому как не находил общего языка с недовольными крестьянами. Ему казалось проще донести мнение через печатные издания, вступая в полемику с выступающими против оппонентами. Но доносил ли Михаил своё мнение? Это спустя годы, когда минули десятилетия и столетия, в словах Салтыкова может привидеться цельное зерно истины. Проблемы ведь сохраняются те же самые, отличающиеся лишь за счёт изменившихся обстоятельств.

Как не говори о проблемах, неизменно продолжающих присутствовать, обязательно обращаешь на себя гнев власть имущих. Михаил пошёл по пути наименьшего сопротивления, выбрав для себя форму аллегории. Проводником послужил город Глупов, полностью вымышленный. Так Салтыков стал сатириком, продолжая иносказательно повествовать на протяжении следующих двадцати пяти лет. Даже когда цензура ослабнет, Михаил не сможет отойти от сложившейся системы отображения действительности, чем породит сложности в понимании текста у читателя, далёкого от взятых им за пример обстоятельств. Например, повествуя о прыщах, Михаил рассказывал читателю о чиновниках, деятельность которых он наблюдал, как они быстро созревали и начинали изливаться гноем. Другой пример — о том, кому сопутствует успех. Только тем, кто действует решительно, не принимая в расчёт мнение народа. Потому как, ежели кто задумается о народе, того не поддержат.

Другое подмеченное Михаилом обстоятельство — наблюдение за спадом и активностью общественной жизни. Обычно десятилетие активной деятельности сменяется десятилетием пассивности. Допустим, в пятидесятых — подготовка к реформам, в шестидесятых годах — провисание из-за случившегося расцвета нигилизма, когда никто ничего не хотел. В семидесятых — нарастает недовольство общества, начавшего желать ещё больше свобод, тогда как в восьмидесятых — обратная поступь. Читатель волен не согласиться с Салтыковым, видя в этом обобщение ряда моментов, тогда как в других сферах жизни активность никогда не угасала. Точно можно быть уверенным в единственном — в слабой продуктивности от выражения собственного мнения по поводу политических процессов современности.

Как быть? К чему стремиться? Какую занять позицию? Вопросы — не имеющие ответа. Михаил ратовал за облегчение общественного бремени, при этом наблюдая за ответной реакцией — вылившейся в агрессивную форму недовольства. Сам Салтыков пострадал от воли Николая I, отправленный в ссылку. Настаивать на возвращении к прежним порядкам он не хотел. Но и свобода, данная Александром II, привела к печальной участи для самого царя. Оставалось вспомнить про деятельность Екатерины II, свернувшей все благие начинания, увидев в них угрозу для самовластия.

И это далеко не всё, о чём Михаил Салтыков думал и рассуждал. Его труды — подлинно философские. С ними тяжело знакомиться, но крайне необходимо. А если нет возможности

уделить им достаточно времени, существуют труды исследователей, разбиравшихся с оставленным наследием писателя, творившего под псевдонимом Н. Щедрин.

Стихотворения (1840—44)

Писать стихи, какая шалость, рыдая в подушку, к себе вызывать сочувствие и жалость. Не Пушкиным жилось, но Пушкин ставился в пример, в числе лицеистов Миша Салтыков на дела славного выпускника глядел. Душа тянулась излиться: и сочинялись стихи. Не гениальными были... были легки. Словно дождь, в пору жаркого летнего дня, прохладой одаривал, каждый миг жизни цена. Свежая морось, от которой не скрыться нигде, ощущая капли на руках, лице, языке. Талант просил открыть окно, хотел людям себя подарить, только иначе получилось — Салтыков поэтом отказался быть.

Почему, в силу каких причин? Какой заботой был Миша томим? Он радовался, парил над землёй. Что юный Салтыков проделал с собой? Одно объяснение есть, поверит ли кто, Мишу сгубили поэты Гейне, Байрон и Гюго. Зачем ему желалось переводить их труды? В работах сих европейцев мысли злобны. Будучи ярким и светлым творцом, в чьих стихах не разглядишь бурю и гром, Михаил шил саван, готовясь к исходу. К лицу ли мысли о смерти парню молодому?

Салтыков мчался вперёд, не желая разбирать пути. На такой скорости мира понимания легко с рельсов сойти. Оставалось смотреть по сторонам и видеть жизнь другую, как писали заграничные поэты — грущу, терплю, тоскую. Печали поддался и Михаил, с той поры он вместе со всеми чужою печалью лишь жил. Изменился взгляд: мальчик подрос. В его стихах места иным чувствам нашлось.

Стал думать Михаил, отчего вокруг горестно всем, отчего не дано знать ему подобных проблем. У Байрона разбился талисман, внял сему обстоятельству поэт Салтыков, он разбить сердце своё и душу изранить отныне готов. Да нет страстей в душе Миши, далёк от него печальный мотив, не может он сделать такого, чтобы стих его оказался тосклив. Не можешь, старайся! Выжми чувства, покажи человечность! Ты человек середины XIX века, перед тобою раскинулась вечность. Разбей талисман! Ощути потерю, уничтожив любимое тобою. Раз не могут другие сломать, за других сломай, насладись треснутой судьбою.

Миша иное продолжал представлять, он ещё мог хорошее видеть, желал о том одном он писать. Прожжённый циник, будущий писатель Щедрин, неужели когда-то и правда был он таким? О природе стихами, подмечал детали, поэтично весьма. Нет, не Щедрин, то Салтыков, веривший в радость, писал для себя. Он останавливал бег, уходя в долгий заплыв, испорченный поэзией Запада, в позе осуждающего навечно застыл.

«Что ждёт за гробом нас...» — строка стихотворения, отмечающая день нового о жизни представления. С этого момента Салтыков потерял из числа способных радостное видеть, наваждение необходимости отражать людские страдания более его не покинет. Миша понял — умрёт он во цвете лет. Может не он понял, то скорее Байрона навет. Отвращение к поэзии отяготило думы Михаила, радость навсегда из мыслей чуждой ему печалью смыло.

Мрачен стал слог, надлом произошёл, Салтыков нечто познал, некий опыт он приобрёл. Забудет стихи, не напишет их боле, не пустит фантазию бродить одиноко на воле. В заключение посадит, привьёт боль и обяжет страдать, то противно уму, но иначе Салтыков не мог Щедриным после стать. Таков поэт — так он погиб, блеснув на память: запомним этот миг.

Всё прочее — борьба за нравы. Борьба сия полна отравы. Увидеть человека в человеке попробуй, друг-читатель. Попробуй, если ты, друг, ещё мечтатель. А если мечты столкнулись с чернотой дня, открой и читай — Салтыков-Щедрин писал как раз для тебя.

Рецензии (1846—48)

После лица Салтыков писал рецензии. Сейчас нельзя установить, сколько им написано критических заметок. Этим трудом он зарабатывал на жизнь, многое публикуя без личной подписи. Дошедшее до нас показывает здравый ум человека, имевшего к совершеннолетию твёрдый взгляд на понимание должного. Мысли Салтыкова и ныне кажутся актуальными, ибо ничего с дней его молодости в человеческом обществе не изменилось. Порядочно Михаил сказал об отношении к детям через литературу. Подростающие поколения в прежней мере принято держать за неразумных членов общества.

Первый упрёк — извращённое понимание действительности. Салтыков видит, как ряд авторов не делает различий между правдой настоящей и их собственным представлением о правде. Чаще такое происходит от присущего людям невежества. Для примера приводится сочинение по географии Франции, в котором человек, знакомый с нормами французского языка, не найдёт ничего полезного, кроме глумления над транскрибированием. Салтыков вполне обосновано возмущается, не понимая, как такой труд смог выйти из печати.

Второй упрёк — обучение истории без объяснения событий. Даётся дата, поясняется случившееся, предлагается заучить и усвоить к чему оно привело. Салтыков сравнивает такие учебники с афишами, на которых написаны имена актёров. Понятно, история — предмет неоднозначный, допускающий трактование событий на любой лад, какой ближе к преподавателю. Думается, Салтыков не до конца понял замысел критикуемого им автора, создавшего скорее пособие, являющееся отличной возможностью разобраться с действительностью без влияния сообщённым кем-то мыслей.

Третий упрёк — логика не может научить мыслить. Со времён Аристотеля для осмысления использовались силлогизмы. Над их применением изрядно смеялись мыслители середины и конца XIX века. Салтыков не был одинок в своих представлениях. Он приводит пример, согласно которому человек бессмертен, поскольку он не является сапогом. Годы пройдут — силлогизмы заменят математическими науками, призванными обучать детей всё той же логике, но уже без прямой цели научить мыслить, а просто требуя того, в чём заключался смысл прежнего упрека Салтыкова: давая некое правило — не сообщается, где и как его можно в действительности применить, кроме одного из способов для решения созданной под него задачи.

Четвёртый упрёк — дети не настолько морально хрупки, чтобы бояться их разбить. Ребёнок — не иное существо, требующее особой литературы под его нужды. Однако, ратуя за необходимость объяснения детям в одном, Салтыков то порицал в другом. Ребёнку не объяснишь языком взрослого человека, не используя для лучшего понимания различные ухищрения. Осуждая автора исторической беллетристики, Салтыков ставил ему в укор именно стремление разжёвывать события минувшего, подаваемых с долей непозволительного переосмысления.

Пятый упрёк — полная адаптация при переводе иностранной литературы под реалии времени и пространства вредна. Для примера Салтыков приводит хвалебное мнение о переводе произведений Гомера Гнедичем: без шелухи, наиболее наглядно, отражая минувшее без прикрас. Ежели древние греки сравнивали богов с каким-нибудь животным, вроде лошади и осла, то это не значит, что ныне при переводе допустимо подменять понятия, приводя иные примеры.

Любое мнение имеет несколько точек для рассмотрения. Однозначного утверждения существовать не может. Критикуя, Салтыков подходил с разной меркой, допуская противоречивые суждения. Это наглядно продемонстрировано выше. Причём так, что анализ рецензий достоин аналогичного же анализа, для уличения в сходных эпизодах противоречивых заключений.

Период написания рецензий для Салтыкова закончился быстро. Испробовав себя на ниве литературной критики, он перешёл к непосредственному написанию литературных произведений. Не так легко далось вхождение — за допущенные при изложении вольности ему предстояло отправиться в ссылку.

Противоречия (1847)

Человек борется с внутренними противоречиями. Он при любых обстоятельствах стоит перед выбором от чего отказаться. Предпочесть личную жизнь карьере? Или выбрать взаимоотношения с любимой девушкой вместо брака по расчёту? Взять денежные средства в долг или жить худо-бедной счастливой жизнью? Меняются обстоятельства — проблемы сохраняются в неизменном виде. Об этом Салтыков решил рассказать в первом произведении.

До раскрытия идеи произведения, предстоит рассказать читателю о побудительных причинах. Рассказчик будто бы нашёл письма человека, чем спешит поделиться с другими. Ему настолько показалось важным содержание посланий, что он не против их опубликовать. Оставим на совести молодого автора формат подачи материала — создатели эпистолярных романов привыкли к излишней обработке текста, придавая ему вид беллетристики.

Перед читателем воссоздаются будни семейства, куда попал на работу главный герой. Он преподаёт уроки, испытывая нежные чувства к ученице. Над всем стоит отец, строго требующий выполнения порученных заданий. Недавно семья понесла потерю — умер ребёнок. Противоречий не последовало — отец не пожелал о том впоследствии вспоминать. Мать семейства, изначально кроткая, под влиянием мужа заботилась только о денежном довольствии, утратив прочие интересы.

Салтыков совершил символический шаг. Ученицу зовут Таней, она пишет дневник и первой желает вступить в отношения с учителем, знакомого ей с детства и равным по возрасту. Письма главного героя начинают чередоваться с записями Тани. Но перед читателем не молодой повеса, ищущий повода отказаться от внимания девушки, показывая отрицательные качества своей натуры. Главный герой осознаёт, насколько он связан текущим положением, не позволяющим ему рассчитывать на возможность разбогатеть. Отношения с ученицей пустят по миру их обоих, поэтому взаимное любовное чувство необходимо забыть.

Вместе с тем, именно любовь сглаживает противоречия. На понимании этого построена человеческая культура. Поэтому бесчисленное количество романистов описывает любовь в различных вариациях. Однако, так думал только главный герой. Видимо не понимая, насколько любовь служит раздражающим фактором пробуждения в человеческой душе именно противоречий. Впрочем, вскоре он это поймёт, когда вынужден будет отказываться от любви ученицы.

Нет необходимости искать в первой работе Салтыкова следы творчества Жорж Санд, чем так озабочены исследователи его жизни. Французская беллетристика писала о других проблемах, подавая их иным образом. Русскоязычный читатель найдёт единственное сравнение — «Евгений Онегин» Пушкина. Основная проблематика произведения аналогичная, имея расхождение в заключительных главах, где Таню ожидает менее радужная судьба.

Что касается манеры изложения. Салтыков пишет уверенно, не жалея слов. Вследствие этого читателю не получится сконцентрироваться на происходящем. Информация будет возникать, чтобы к следующей странице растаять. Излагаемое Михаилом практически не усваивается. По прочтении остаётся понимание противоречий между действующими лицами, тогда как всё прочее улетучивается. Обычно грамотная беллетристика так и пишется, когда нужно нечто донести, то лучше окружить текст лишёнными значимости словами.

Но по какой причине Салтыков выбрал сюжет об упущенных возможностях из-за доводов рассудка? Оказал ли на него влияние Пушкин или он стал свидетелем чей-то жизненной драмы? Как правило, человеческие характеры не придумываются, они берутся из действительности, чтобы выглядеть наиболее правдиво. Салтыков сразу озаботился, предложив читателю преобладание харизмы, основанной как раз на противоречии между пониманием адекватного действия и того, что творится на страницах произведения. После не раз появятся в сюжетах

Салтыкова схожие по поведению лица, став своеобразным изюмом. Их истоки следует искать в «Противоречиях».

Впереди ряд схожих по духу произведений.

Глава (1847); Запутанное дело (1848)

Как много ожиданий! Молодой человек вступает в жизнь полным надежд. И оказывается не востребовавшимся. Сколько добра проявляли к нему в детстве родители, оберегая от суровых реалий. Мальчик вырос и чувствовал силу, способную помочь ему найти место в жизни. Получив наставление, он поехал в столицу. Нашёл ли себя он в большом городе? Насколько успешно он применил полученные прежде знания? Салтыков ответил на это в произведении «Запутанное дело». Укорив государство, в дальнейшем Михаил вынужден был отправиться в Вятку, отбывать наказание ссылкой.

Отец говорил сыну, чтобы тот смирялся и жил. Какие бы беды на него не сыпались, как бы не вело себя общество, полагается спокойно принимать происходящее и достойно нести бремя честного человека. Никакого разврата и свободомыслия, только создание положительного представления о себе. Куда мог устроиться молодой человек с такими наставлениями? Он старался соответствовать ожиданиям родителей, но данные ими на дорогу деньги тратились, и вот главному герою произведения Салтыкова остался единственный путь — уподобиться большинству.

Ничего не имея, молодой человек отныне ведёт вызывающий образ жизни, претендуя на то, для обладания чем у него не хватает денежных средств и способностей. Не готовый к такому поведению, главный герой не найдёт понимания среди тех, кто живёт сходными принципами. Безусловно, сказалось воспитание. Вращенный в оранжерее под пристальным вниманием ласковых глаз и заботливых рук, сможет быть достойным других, если они согласятся его принять. Но кому в столице нужен человек из провинции?

Хочешь жить — прилагай усилия: такое наставление следовало дать. Ничего не получается просто так, будь ты хоть трижды благовоспитанным человеком. Работу найти не сможешь, следовательно — будешь лишён возможности зарабатывать на жизнь, значит предстоит переосмыслить родительский наказ. И он будет обязательно переосмыслен, если главный герой не захочет мирно принять голодную смерть. Сызмальства не приученный к суровым реалиям, молодой человек до конца не сможет приспособиться к порядкам общества. Это к вопросу о том — почему сорняк способен расти везде, а культурные цветы обязательно чахнут без чужой заботы. Человек — не цветок, о себе он должен думать без надежды на помощь других.

Не будем предполагать, чем Салтыков не угодил власти, описав представленную выше ситуацию. Каждое поколение увидит, что представленное на страницах «Запутанного дела» случалось во все времена. Всегда были заботливо воспитанные, проигрывающие борьбу представленным с малых лет себе. Всякое хорошее обязательно подвержено надлому, получая в результате пересмотр жизненной философии, вплоть до полной замены представлений об истинной стороне положительного понимания действительности.

Ориентация на социальную неустроенность стала свойственной всему раннему творчеству Салтыкова. Ранее описав онегинский случай отказа молодого человека от симпатий девушки в силу страха перед необеспеченным будущим, Михаил в черновиках проработал обратный случай, когда уже девушка вынуждена отказать мужчине, приводя в доказательство ряд разумных причин. Во-первых, ей семнадцать лет, а ему — сорок. Во-вторых, она не желает отвечать ему взаимностью, ибо женщине труднее после интимной близости вернуть утраченную порядочность. Произведение с таким содержанием получило название «Глава» — при жизни Салтыкова не публиковалось.

Зачем тогда придавать значение оставшемуся в черновиках? Салтыков не посчитал нужным, но исследователи его творчества решили иначе. Они бережно восстановили текст, по содержанию отнесли его к 1847 году, разумно найдя сходные черты с произведением «Проти-

воречия». Читателю остаётся внимать доставшемуся ему наследию: у него есть возможность лучше представлять мысли писателя.

Брусин (1849)

Произведение «Брусин» сохранилось в двух редакциях, ни одна из которых не публиковалась. Оно по смысловому наполнению соответствует прежде написанным работам, дополнив тему влияния воспитания на становление человека в обществе. Читателю должен был быть представлен персонаж с ранимым восприятием, болезненно относящийся ко всему, что подвергается чужому вниманию.

Для начала Салтыков вспомнил о незнакомке в сером, прозванной им скукой, всюду сопровождающей человека. Помимо скуки, рядом находится дама, называемая бездеятельностью. Как это соотносится с дальнейшим повествованием? Никак. Салтыков не впервые разбавляет текст отстранёнными описаниями, создавая тем себе простор для концентрации читателя на самой истории, а не на прочей шелухе.

Появляющийся на страницах Брусин не понравится читателю. Он инфантилен, устраивает истерики, добивается желаемого через слёзы. В одной из редакций его прихоти приходится терпеть девушке, непонятно почему продолжающей с ним оставаться. Брусин портит каждую встречу, требует внимания лишь к себе, не может переносить посторонних взглядов. Он может сказать об этом открыто, непременно уйдя после в сторону, дабы в одиночестве выплакаться. В другой редакции девушка не настолько аморфна, может даже показаться, будто она старается исправить поведение Брусина.

Сам рассказчик истории относится к главному герою повествования положительно, либо отрицательно, в зависимости от редакции. Как друг детства, он старается свыкнуться с повадками Брусина, но в качестве недавно знакомого с ним человека — видит подобие уродца. В обоих случаях происходит отторжение. Судьбы героев произведения расходятся. Неуживчивый Брусин далее живёт неведомой жизнью, участвуя в дуэлях.

Произведение «Брусин» интересно ещё и описанием проведения балов. Они устраивались для всех, кто мог заплатить за вход и соответствовать требованиям к внешнему виду. Потому среди участников балов имелись люди разных сословий, отчего девушки соглашались танцевать не со всяким кавалером, опасаясь оказаться в паре с человеком низкого положения, вроде ремесленника.

На балу происходит центральная сцена. Устроенный родителями девушки Брусина, он проходил в обыденной для такого мероприятия обстановке. Дочь хозяев бала оказывалась окружённой вниманием. Легко представить, как к этому мог отнестись её жених. Он изощлён от рыданий, увидев, насколько порочны нравы, ежели в танцах допускались столь развратные с его точки зрения движения. Брусин мог испортить всем настроение, но читатель понимает, демонстрация столь вызывающего неприятия приводит к осуждению выступающих против него. Главному герою осталось продолжать рыдать.

Не описание Брусина имеет значение при прочтении. Салтыков призывает не притягивать несчастье, когда ты счастлив. Человек творит свою судьбу, потому не полагается ему унывать от поведения окружающих людей. Кто говорит о плохом, просто не желает видеть хорошее. Этого не мог понять Брусин, требуя счастья здесь и сейчас, не мирясь с необходимостью запастись терпением, став счастливым завтра.

Остаётся предполагать, что вину следует возложить на родителей. Салтыков не описывает детские годы Брусина, показывая его уже сформированной личностью. Исправить такого человека невозможно, как нельзя повлиять на ребёнка, не загнав его в угол и не пригрозив наказанием. В случае Брусина не получится легко найти решение, ибо он всё же не является ребёнком.

Остаётся махнуть рукой. Пусть человек живёт собственными страданиями. Другие люди тогда вздохнут свободно, освободившись от необходимости успокаивать чуждую им мнитель-

ность. Нет нужды возбуждать в таких людях какие-либо чувства, поскольку это опасно. Брусин всё равно не исправится, так почему от его поступков кто-то должен страдать? Проще забыть и не вспоминать.

Письма 1839—52

К вопросу о сохранившихся письмах Салтыкова. Если они есть, можно по ним частично восстановить некоторые детали жизни и творчества писателя. Что удалось сохранить и обработать, то доступно для ознакомления, было отдельно опубликовано, в том числе и в количестве нескольких томов в собраниях сочинений. Так о чём писал Салтыков адресатам?

Самое первое письмо датируется мартом 1839 года. Тогда ещё юный — Миша тринадцати лет — писал родным из Царского Села. Рассказывал о ценах в Петербурге, говорил о дороговизне всего, в том числе и гостиниц. Приглашал родителей приехать в следующем году, поддержать его на экзамене.

О некоторых письмах можно вовсе не упоминать. Интересно ли узнавать, как в 1840—41 годах Салтыков написал два письма Владимиру Зотову об обмене рядом изданий? Поэтому лучше концентрироваться на более содержательных письмах.

С 1845 — письма брату Дмитрию, ставшему для него основным адресатом на долгие годы. Так в январе 1848 говорил о том, что болен неким серьёзным заболеванием. А от апреля сохранилось письмо начальнику канцелярии военного министерства Анненкову, написанное с Арсенальной гауптвахты. Салтыков за допущенные вольности в опубликованном изложении мыслей ссылаясь в Вятку. В большей части Михаил был наказан из-за роста революционных настроений в Европе. В мае Салтыков писал письма, уже находясь в Вятке.

С марта 1849 фиксируются неоднократные просьбы Салтыкова к начальникам, каждый раз Михаил выпрашивал разрешение посетить родителей. Такая возможность ему долго не будет предоставляться.

За 1850 год Салтыков написал брату Дмитрию четырнадцать писем. Из них становилось известно о деятельности Салтыкова в Вятке, в том числе и такая особенность местной жизни — невозможность проводить досуг. Михаил просил брата высылать ему книги. Просил высылать и одежду. Из тех же писем известно, как к Салтыкову положительно относился губернатор, однажды за усердие в работе решив наградить чином, что на более высшем уровне сочли за излишнее. В мае отношения с братом обострились из-за раздела отцовского имения в селе Спас-Угол. Михаила желали оставить вовсе без имущества, обещав после часть от раздела имения матери. В августе Салтыков в письме к матери выразил о том согласие. В ноябре Михаил пояснил брату о своём заболевании — страдает от ревматизма: раздуло пальцы, свело суставы, жестоко болел три недели.

В 1851 — написал брату Дмитрию двадцать писем. В январе страдал от ревматизма весь месяц. Февральским посланием выразил надежду на юбилейную дату коронации царя, ожидая амнистии и по поводу себя. В марте вновь заболел ревматизмом. Тогда же узнал о смерти отца, думал — отпустят проститься. В апреле выразил желание перейти на службу хотя бы в Оренбург, но получил отказ. В июле сообщил о назначении в Вятку нового губернатора — Николая Семёнова. В октябре и ноябре Салтыков изнемогал от нового начальства — со всеми повздори́л. С октября по декабрь писал просьбы главному начальнику III отделения графу Орлову, директору канцелярии военного министерства барону Вревскому и военному министру князю Чернышёву, вновь получая отказы.

В январе 1852 написал брату Дмитрию о слухе — могут перевести в Уфу. В апреле ревматизм перешёл на стопы, стало больно наступать. В августе вовсе изрёк, как он стал «хил, стар и ленив». В ноябре писал гражданскому губернатору Вятки Семёнову, отвечая на раздражение о недовольстве губернатора его действиями, так как не смог справиться с крестьянскими беспорядками в городе Кай. И Салтыков действительно не мог с ними справиться ни сейчас, ни в будущем, каждый раз упрашивая выслать ему в помощь солдат, иным способом не умея найти общий язык с недовольными.

Письма 1853—56

В марте 1853 писал брату Дмитрию — имел в Вятке встречу с Николаем Муравьёвым, губернатором Восточной Сибири, просил перевести к нему в Иркутск. Государь в данной просьбе отказал, считая, что Салтыкову рано давать послабления, но в отпуске отказывать не стал, о чём Михаил будет уведомлен в апреле. Уже в июне писал брату из Спасского — прибыл домой. В ноябре писал из Вятки — просил у вице-губернатора руку его дочери, девицы пятнадцати лет, получил пожелание повторить просьбу через год. В декабре просил военного министра князя Чернышёва отменить наказание ссылкой.

В июле 1854 уведомлял брата Дмитрия о невозможности сойтись с понравившейся ему девицей — Лизой Болтиной, о которой он прежде просил вице-губернатора. В декабре — о поручении губернатора заняться раскольниками, из-за чего опасался необходимости провести много времени, рискуя жизнью, обхаживая местные леса. Как гласят сторонние источники — Салтыков побывает в Казани и дойдёт вплоть до Нижнего Новгорода. О том времени он составил многие записки, до сих пор не исследованные.

В марте 1855 — брату Дмитрию о смерти царя Николая, и о том, как все уже принесли присягу его сыну — царю Александру, как получил чин за выслугу лет и готовится отбыть в Казань. В марте — письмо из Казани: шесть дней ехал по ужасающей дороге, едва не испустив дух, собирался добраться до Владимира, думая там наконец-то жениться. Это время стало для Салтыкова примечательным. В Казани, вместе с Мельниковым-Печерским, была устроена облава на местного старовера Щедрина, от которого скорее всего и пошёл литературный псевдоним Михаила.

В мае того же года писал брату Дмитрию из Вятки — получил согласие женитьбы на Лизе Болтиной, теперь прося брата оказать финансовую поддержку. В июле получил отпуск на четыре недели, уведомляя брата из поместья в Ермолино, намереваясь ехать во Владимир — навестить Лизу. В сентябре — из Вятки: просил брата выслать Лизе конфет, в июле следующего года планирует свадьбу. В сентябре вновь о невесте, она теперь живёт в Москве, жениться в Вятке он сам не желает — уже тогда никогда не сможет её покинуть. В октября писал о печальном — мать против свадьбы на Лизе. В ноябре желал подарить будущей супруге красивый несессер и часы, выслал деньги на их приобретение. В ноябре Салтыков ликовал — царь Александр разрешил ему проживать и служить, где он сам пожелает. Горестные для него семь с половиной лет ссылки завершены. В конце декабря писал из Ермолино — гостит у мамы.

За январь 1856 года письмо министру внутренних дел Ланскому. Просил принять по его ведомству на службу в Петербурге. Был принят. Уже в апреле через директора департамента общих дел МВД Гвоздева просил отпуск. Одобрено. В мае просил министра внутренних дел о разрешении на женитьбу. Одобрено. В том же месяце просил отпуск. Одобрено. В июне уведомил Гвоздева — женился. Писал Каткову: начал печатать «Губернские очерки». Кажется, Михаил не совсем понимал, как только отбыл вятскую ссылку, словно просил сослать снова. И лишь в августе — брату Дмитрию, где была отражена суть семейного конфликта. Родным не понравилась женитьба на бесприданнице и притязания в виде имущественных требований. Потому на свадьбе со стороны Михаила присутствовал только младший брат — Илья.

Как уже можно понять, и будет лучше понято в последующем, нрав Салтыкова был чрезмерно тяжёл. Пока ещё это может быть не сильно заметно, но вскоре Михаил Салтыков покажет своё умение входить вразлад с окружающими его людьми.

Губернские очерки (1856—57)

Сосланный в Вятку, Михаил Салтыков не вёл литературную деятельность. Он собирал материал, которым начал делиться с «Русским вестником» в 1856 году. Цикл наблюдений получил название «Губернских очерков». Будучи объединённым в одно издание, был разделён на девять разделов. «Прошлые времена» и «Мои знакомцы» стали проводниками в мир провинции, приковав внимание столичного читателя к быту ставших далёкими для него проблем.

Далёкими проблемы стали из-за их удалённости. В самой столице сохранялись точно такие же порядки. Но в губерниях, далеко располагающихся от монаршего внимания, происходил подлинный беспредел. Салтыков мог оный лично наблюдать, если не приукрашивал действительность. Огорошить обывателя у него получилось двумя рассказами от лица подьячего, видевшего творимые чиновниками самоуправства.

Причина начала публикации откровенных рассказов объясняется не столько чувством безысходности Салтыкова и его желанием высказаться о наболевшем, сколько смертью Николая I за год до того. Ежели ранее за незначительное свободомыслие ссылали на поселение, как то уже однажды случилось с Михаилом, то теперь в стране позволялось открыто высказывать недовольство.

Только время идёт, а российский чиновник не меняется. Оный сложился задолго до того, как о том хотелось бы думать. Более можно сказать, чиновник в любой стране старается найти выгоду прежде всего для себя, поэтому нет смысла заниматься самобичеванием. Винить следует человека вообще, склонного допускать наплевательское отношение к работе, используя её для реализации собственных потребностей. И если кому-то достаётся место начальника, редкий народный избранник не станет пользоваться даваемыми им преимуществами.

Вот и у Салтыкова на страницах «Прошлых времён» показываются наиболее вопиющие случаи, имевшие некогда хождение и в ином виде встречающиеся сейчас. Например, чиновники могли проигратся в карты, восполняя убывшие средства за счёт населения, устраивая дополнительные поборы, якобы на нужды царя. При этом понятно, если о таковой деятельности чиновников кто прознает, тогда не сносить им головы. Поэтому о завтрашнем дне действующие лица очерков Салтыкова не думают, главное в настоящий момент удовлетворить возникшие прихоти.

Находчивым везде даётся дорога. В тексте приводится случай практически честного отъёма денег у людей, не желавших участвовать в качестве понятых при осмотре трупа. Русский человек оставался крайне впечатлительным, из-за чего готов откупиться, лишь бы не присутствовать на столь неприятной для него процедуре. Знавшие о том чиновники не чурались собирать плату за отказ от участия в оном мероприятии. Надо ли говорить, что если преступник имел возможность оплатить «невнимательность» чиновников, то он так и делал. Остаётся предполагать, каких мер потребовал Александр II для проверки информации, ставшей известной благодаря стараниям Салтыкова. Видимо, слетело много чиновничьих голов, либо множество оных ещё больше озолотилось, так как на взятки вышестоящим деньги собирались всё с того же населения.

Очерки «Обманутый подпоручик», «Порфирий Петрович», «Княжна Анна Львовна» и «Приятное семейство» составили второй раздел. Это скорее сплетни, коими Салтыков решил поделиться с читателем. Ими он разбавил первоначально сообщённый негатив, показав, будто бы и в провинции живут стоящие люди, достойные не порицания, а всяческого уважения.

Некоторые наблюдения Салтыкова кажутся занимательными. Например, хороший человек пьёт водку по той причине, что ему в организме её не хватает, а в плохом её итак переизбыток. Есть в губернии люди, обходящиеся без взяток и решающие проблемы за счёт умения

находить подход к населению. Некоторым дамам за тридцать не помешало бы мужа завести, взамен умершего, дабы зазря не пропадали.

Одно сказать можно точно — категоричность заявлений допустима, если будут приводиться примеры обратных человеческих поступков. Дав представление о людях без совести, покажи человека с высокой моралью. Салтыков так и поступил. Но читатель видит более отрицательные примеры, уже серьёзно не воспринимая возможность существования действительно благородных человеческих качеств.

Задав основную тему для очерков, Салтыков в дальнейшем позволил себе прочие сюжеты, обычно остающиеся без пристального внимания. В самом деле, так ли часто люди проявляют интерес к каликам божиим, богомольцам и проезжим, если их присутствие ничем не мешает? Михаил решил напомнить о их существовании, о чём в столице могли позабыть.

На страницах «Губернских очерков» рисуется «Общая картина». Салтыков обозревает положение в деталях, дополняя повествование примерами, вроде историй отставного солдата Пименова и Пахомовны. Кто-то собрался пешком до Святых мест дойти, а кому-то и без дополнительных духовных подвигов ад мерещится. Всему определяется должный фон, служащий основой для рассказов о семействе Хрептюгиных и о госпоже Музовкиной.

После описания положения религии в провинции, Михаил допустил необходимость представить виденное им в качестве драматических сцен и монологов, собрав написанные пьесы в четвёртом разделе. Вполне логично видеть, что первое произведение «Просители» касается чиновничьей темы, к тому же с острым социальным подтекстом: в суд подаётся жалоба против еврея.

Пытаясь разбирать очерки Салтыкова, понимаешь, далее заглавных работ проявлять интерес не имеет смысла. Оставленные Михаилом наблюдения подойдут желающим узнать быт периферии, восполнив пробелы в знаниях. Однако, понимая особенность мировоззрения Салтыкова, можно получить ложное представление о былом. Излишне Михаил показывал действительность, выискивая и прославляя эпизоды человеческих недоразумений. Это не отменяет их существование, но выставляется таким образом, будто живущие на страницах персонажи воплощают собой привычных для России людей. Читателю словно приятно думать, насколько плохо всё кругом, как удачно это выразилось в прозе Салтыкова. И пока он думает так, окружающие его люди стараются тому соответствовать.

Нужно понимать и возраст Михаила. Вернулся он из ссылки будучи тридцатилетним. В нём ещё не сформировался негативизм, он лишь таил недовольство от происходящего в провинции. Потому его соображения, вроде честный тот, кто является бедным, высказанные в «Выгодной женитьбе», являются предвестником жестокого высмеивания обыденности. Сам же Салтыков пишет монолог «Скука», ощущая то же чувство, начинающее преобладать у читателя. «Губернские очерки», изначально высмеивая, стали переходить на оправдательные ноты. Если к чему и была претензия у Михаила, то только к знакомому ему кругу исполняющих функции власти людей.

Пятый раздел «Праздники» совершенно не получился. Не умел Салтыков говорить о радости. А вот шестой раздел «Юродивые» выделился очерком «Надорванные». Наконец-то Михаил показал собственную человечность, выступив перед читателем в виде лица, находящегося в сомнениях: действовать согласно закону или показать присущую ему человечность. Читатель хорошо его понимает. Салтыков должен решить, как поступить с задумавшими поджог крестьянами, решившимися на такой поступок из желания быть сосланными в Сибирь, где им позволят обвенчаться. От Михаила зависело, какое определить для них наказание. Сослать в Сибирь их он не мог, но прояви сочувствие, сделай для людей ими желаемое, как даль-

няя дорога обеспечена. Читатель обязательно задумается, насколько оправдано потворствовать делающим злое дело, добиваясь тем личной выгоды. С какой стороны на это посмотришь, с той и рассудишь.

Опять же, в Михаиле интерес просыпался, когда повествование касалось его непосредственных обязанностей, тогда как прочее оказывалось изложенным весьма посредственно. Что же он желал поведать читателю в очерках «Неумелые» и «Озорники»? Если и важное рассказывал, оно забывалось, достаточно было ознакомиться с теми же «Надорванными», примечательными именно авторской нерешительностью. Ведь читатель должен сам решать, кому следует довериться, без писательского на то указания.

Широта души Салтыкова всегда прощала простого человека, являвшегося в его глазах жертвой действующей политической системы. Верил ли сам Михаил в им рассказываемое? Не асоциальные личности отбывали наказание в исправительных учреждениях, а в основном мученики, аки агнцы божии, согласившиеся принять испытание за греховность человеческих побуждений. Но так и должно быть для истинного христианина, своей жизнью доказывающего право на рай после смерти, дабы быть по правую руку от Христа. Салтыков настолько категорично не смотрел на должное каждому бытие, он только порицал чиновничий аппарат, в нём одном видя причину страдания людей, принесённых в жертву обстоятельствам.

Само собой, есть «Талантливые натуры», своей жизнью доказывающие право на проявление народной смекалки и хитрости, пусть и совершаемой по доброте сердечной. Это не отменяет преступности проделываемых ими мероприятий. Ежели не желает человек спокойно созерцать действительность, тогда он должен принять положенное ему наказание. Но Салтыков таковыми восхищается. Особо он выделил четверых, написав о каждом по очерку: «Корепанов», «Лузгин», «Владимир Константинович Буеракин» и «Горехвостов».

Предпоследний раздел называется «В остроге». Михаил описывает истории, услышанные им в оном месте отбывания наказаний. Перед этим он обозначает отношение людей к арестантам вообще. Человек, попавший в заключение, становится в обществе подобием прокажённого. Хоть вина его и будет искуплена, полноправным он себя ощущать более никогда не сможет. Чтобы оное мнение подвергнуть сомнению, Салтыков привёл рассказы сомнительного содержания.

Допустим, отбывает наказание человек, зарубивший топором девушку. Поступил он так не зла ради, поскольку не стерпел её недоступности. С другими она позволяла вольности, ему же отказывала. Вроде бы и нет теперь вины на нём, как то пытается поведать Михаил, и всё равно сидеть данному человеку, словно он совершил осознанное преступление. Прочие проступки описываются в сходной манере. Выходил Салтыков из острога с ощущением опустошённости от российских законов. Читатель же видит в том мягкосердечие Михаила, слишком доверчивого для своего рода деятельности.

Закрывает «Губернские очерки» раздел «Казусные обстоятельства». Салтыков продолжил оправдывать людей, приведя для лучшего понимания историю «Старец», о человеке, что всегда уходил с насиженного места, когда туда приходили люди. Не мог он терпеть возводимые ими порядки, желая жить собственными представлениями о должном быть. Самое удивительное, люди стремились именно к нему, привлечённые его бытом, пока кому-то из них не приходила идея начинать менять хорошо устроенный уклад. Потому и уходил старец, не имея желания бороться, когда проще всё начать заново.

Воззрения Салтыкова становятся более понятными по очерку «Первый шаг». Не мог Михаил в обвиняемом видеть виновного, так как у каждого преступления есть оправдывающие поступок мотивы. Понимавшие ход мыслей Салтыкова, говорили о нём, сравнивая с Макиа-

велли. Впрочем, говорить о применении сего повествования непосредственно к самому Салтыкову — неправильно. В продолжении истории от первого лица читателю представляется некий неизвестный персонаж, выросший в тяжёлых условиях и трудившийся в среде чиновников, подставлявших друг друга. Требуется понять, почему главный герой стремился оставаться честным, избегая любого нарушения закона. Сможет ли он преодолеть себя и не совершить первый шаг к моральному падению? Возможно ли, чтобы имея шанс получить взятку, он от неё отказался? И не съедят ли его за свойственные ему принципы? Угодные только ему и никому другому.

Вместо эпилога представлен очерк «Дорога». Салтыков прощается с местом ссылки, возвращаясь домой. Он наконец-то примется за плодотворный литературный труд.

Невинные рассказы (1857—63)

Для писателя важна его способность включаться в происходящие в обществе изменения. Если он не умеет распознать, к чему следует проявить внимание, тогда его фантазия порождает мало потребный обществу литературный продукт. Одного включения недостаточно, необходимо иметь наблюдательность и способность донести мысли до читателя. Салтыков частично обладал требуемыми ему для творчества навыками, но более разменивался на суету. Он только приступал к плодотворной работе над очерками, рассказами и публицистикой, более нужного уделяя внимание так и не имевшим серьёзного значения сюжетам. Где Михаил проявил человеческие качества, там он задел чувства людей, во всём прочем оставшись понятным для желающих жить в прошлом.

Привыкнув к цензурным ограничениям, Салтыков понял, как следует действовать для преодоления обоснованно возникающих претензий. Ранее написав «Запутанное дело», в дальнейшем переработав текст, Михаил дополнил ещё десятью произведениями, разной степени интересности: «Приезд ревизора», «Святочный рассказ», «Утро у Хрептюгина», «Развесёлое житьё», «Гегемониев», «Зубатов», «Наш дружеский хлам», «Деревенская тишь», «Для детского возраста», «Миша и Ваня». По трём последним работам, озаглавленных «Невинными рассказами», весь сборник получил такое же название.

Так или иначе, Салтыков продолжал осуждать чиновничество, не видя в нём подмоги для изменения жизни к лучшему. Ежели столь важные лица в государстве не способны наладить существование граждан, предпочитая сперва набить свои карманы, то ни о каких переменах не может быть и речи. Проблема крепостного права казалась такой же неразрешимой, зависимой от воли одного лишь императора. Понимая значение требуемых России реформ, Салтыкову оставалось, в меру доступных ему сил, обличать нравы страны.

Взять для примера «Приезд ревизора». Население империи постоянно чего-то ждёт. Оно ведёт самодовольную жизнь, не опасаясь быть подвергнутым за то наказанию. Исключением является только выездная проверка. Кажется, надо срочно выезжать и наказывать нерадивых исполнителей царской власти на местах. Однако, ревизор быстро не едет. Он должен всё делать степенно, заранее объявляя о готовящемся визите. Чем меньше произойдёт неурядиц, тем самому ревизору будет лучше. Тут есть логика: проблем быть не должно, а если они есть, значит придётся с ними бороться. Как бы о том не сказывал Салтыков, прямо он ничего подобного не сообщает. Просто его персонаж излишне долго добирается до места, занимаясь любым ему удобным делом, кроме имеющего первостепенное значение.

Один ли ревизор так передвигался к пункту назначения? Сам Салтыков аналогичным образом выполнял порученные задания. Будучи в ссылке, он разбирался в деле раскольников. О том был написан «Святочный рассказ». Говоря наперёд, действие практически не развивается. Рассказчик всё никак не может продвинуться к цели. Делает то он не специально, просто жизнь устроена таким образом, что её ход не позволяет торопиться. Когда-нибудь всему предстоит столкнуться с неизбежным, дабы кратко выразить его суть. Основное внимание уделено второстепенным деталям.

Допустим, необходимые действия совершаются быстро и внезапно. Будет ли это благом? В случае России — нет. В произведениях «Утро у Хрептюгина», «Гегемониев» и «Зубатов» читаем, как поспешность негативно сказывается на происходящем. Должна быть усвоена истина: суть обязана упускаться из внимания. Иначе это известно в качестве поговорки: меньше знаешь, крепче спишь. Нет разницы, как развивается ситуация в настоящее время, поскольку неизвестны её будущие последствия.

Тут мнится философическая составляющая рассуждений. Надо учесть, она получена не результатом вдумчивых размышлений над каждым произведением Салтыкова, речь об обоб-

щающих выводах. Относясь к сему проще, лучше заметить: глубокий смысл в «Невинные рассказы» Михаил мог и не закладывать. Основная их часть не подвергается вычленению важной составляющей, необходимость которой могли уловить непосредственные современники автора. В основном, рассказ «Наш дружеский хлам» позволяет лучше понять наполнение сборника. Как? Объясняя, что Салтыков не обязан был писать, но всё-таки он не стал сохранять молчание. Рассказы «Деревенская тишь» и «Для детского возраста» добавили пасторальные мотивы.

Жених. Смерть Пазухина (1857)

За удачным неудач не разглядишь. Салтыков это понимал, не стремясь давать ход про-бам пера. Единожды опубликовав, Михаил более не вспоминал неудавшиеся произведения. Не вспомнят их и последующие поколения, если не возникнет для того определённой нужды. Пришедшийся не по вкусу, Салтыков сталкивался с неприятием некоторых аспектов своего творчества, в том числе и стремления казаться натуралистичным. Причина в том могла быть иная, связанная с личным неприятием определённого круга людей. Ведь не попадал под неудовольствие цензоров Мельников-Печерский, обнажавший язвы общества так, что читателю становится стыдно за человечество, допускающее подобное в обыденности. Может секрет крылся в оторванности писателя от сюжета, которого стремился придерживаться Салтыков? Да и плодотворность не способствовала лучшему усвоению его трудов. Опять этот Николай Щедрин ищет место побольнее: мог думать читатель тогдашних дней.

1857 год — плодотворный период, памятный рядом произведений и иными ныне забы-тыми. К стёртым из памяти стоит отнести повесть «Жених» и комедийную пьесу «Смерть Пазухина». В повествование вмещался эпистолярный, будто бы придающих правдивость опи-сываемым событиям. Читатель увидит, как в «Женихе» случается приехать барину в город Крутогорск с целью найти прелестную невесту. Он прослышал от товарища, насколько хороши местные девушки, в какой дом не зайди. Не приходится удивляться, наблюдая за творческими изысканиями Салтыкова, искавшего продолжение для начатой истории. Михаил бился и выда-вал текст, должный оказаться признанным отдающим сумбурными предположениями о требу-емом развитии событий.

Может всё дело в абсурде? Воспоминания заставляют человека приукрашивать про-шрое. Некогда Крутогорск мог быть обиталищем обворожительных нимф. Окажись советчик в нём спустя годы, пришёл бы в недоумение, не найдя красот, столкнувшись с разлившейся по окрестностям серостью. Этой же серостью наполнены головы жителей, едва ли не име-ющих серый оттенок кожи. Попробуй теперь найти красавицу для души. Салтыков не оставлял попыток, находя необходимые ему решения. Недовольным остался редкий читатель, каким-то образом нашедший повесть «Жених» среди прочих работ, поистине достойных внимания.

В той же мере отдаёт серостью комедия «Смерть Пазухина». Данная пьеса критиковалась за натурализм и подпала под запрет цензуры. Поставить на сцене её смогут не скоро, а успех придёт и того позже, и то на короткое время. Безусловно, желающий увидеть нечто — увидит. Он превознесёт талант Салтыкова и обрадуется, как велик мастер, творивший столь бесподобные вещи. Однако, знакомясь с радужными представлениями о произведениях, сам подоб-ного в них не замечая, вскоре перестаёшь реагировать на оголтелый оптимизм, взращенный в стенах специализированных учебных учреждений, промывших мировосприятие до состояния оторванности от настоящего.

Салтыков оставил разные редакции произведений, представляющие интерес для иссле-дователей его творчества. Изучаются рукописи, сверяются измышленные данные и формиру-ется объёмное собрание сочинений, наполненное далеко не тем, чего желает читатель. Но поло-жительное впечатление всё-таки есть, так как видишь писательское мастерство Салтыкова в полном объёме, получаешь возможность оценить его вклад в литературу полностью. Не всем создавать сплошь прекрасные произведения, порою нужно написать проходные труды. Тако-вых у Михаила имелось достаточно, потому не станем воспринимать всё им написанное с осо-знанием одолевающей теперь радости, словно нет ничего лучше на свете, чем дошедшее сквозь века литературное наследие.

Доверимся самому Салтыкову и цензуре, определявшей его рамки. «Жених» и «Смерть Пазухина» (иное название «Царство смерти»), остались частью творчества Михаила, должные

считаться важной составляющей им созданного. Ежели кому-то они не понравятся, то не стоит укорять себя в отсутствии вкуса: они не нравились и Салтыкову.

Яшенька (1857)

Иные рукописи Салтыкова редакторы литературных изданий не возвращали. Установить их датировку затруднительно. Получается разница в несколько лет. Таковой участи удостоилась и повесть «Яшенька». Снова читателю представлен слабохарактерный молодой человек, живущий чужими представлениями. Он настолько подвластен мнению окружающих, что сам ничего не может делать. Ему мнится, будто он глубоко несчастен, но настоять на своём у него не получается. Ему проще бросить всё и сбежать, стремясь избавиться от гнёта родных, тогда как уже может определять их положение в семейном кругу сам.

Не имея чувства собственника, Яшенька подвластен мнению матери: отправит его в гусары, пойдёт служить, призовёт обратно — тут же вернётся, скажет сидеть взаперти и не принимать пищу, то и тогда не станет перечить. Рано или поздно Яшенька задумается над происходящим, ему уже минуло двадцать пять лет, он хозяин поместья, но робость не позволяет ощущать право на владение. Речь не о боязни обидеть мать, как и не об опасениях вызвать её слёзы, излишне говорить в подобном роде в отношении женщины со стальным характером, не собирающейся уступать занимаемых ею позиций.

Требовалось показать бунт против устоявшейся системы. Впечатлительный читатель станет искать аналогии, принимая под Яшенькой робкий народ Российской Империи, угнетаемый властью полицействующего монарха Николая. Русские люди однажды устроили восстание, на том же двадцать пятом году от начала XIX века. И приняли за то они наказание в виде смертной казни, либо ссылки на поселение в Сибирь. Похожего читатель ждёт и для Яшеньки, чьи порывы обязательно приведут к трагедии, выраженной в смирении и принятии неизбежного наказания за попытку овладеть тем, чем он должен был управлять самостоятельно.

Остаётся предполагать, насколько сведущим оказался человек, получивший рукопись с повестью от Салтыкова, не решаясь отослать обратно автору, не говоря уже о возможности публикации. Ещё не настолько утихли воспоминания о царствовании Николая, чтобы напоминать о происходивших в его правление судебных процессах над декабристами. Повесть не заслуживала огласки, пока люди не перестанут искать в литературе её применение к действительности. Сколько бы не прошло лет, сведущий читатель обязательно проведёт параллели. Слишком много схожих черт, дающих новое представление о творчестве Салтыкова, чья сатира требует более внимательного к ней отношения, учитывая яркость приводимых Михаилом образов.

Яшенька взбунтуется против матери, но спустя время смирится с неизбежностью, полностью принимая власть родительницы. Что ему оставалось, если на своём настоять не получилось? Лишь влачить жалкое существование, а потом тихо умереть, более не причиняя неудобств. Он посчитал в качестве лучшей доли необходимость остаться ребёнком, принимая неизбежные укоры, наказания и показывать, насколько покорен воле матери. Осталось понять, осознавала ли мать, какими последствиями грозит принижение значения сына, ведь стоит ему умереть, могут наступить нежелательные последствия.

Чего не было в тексте, того не было: ответ критику, нашедшему аналогии, к тексту отношения не имеющие. Придётся пожурить читателя, знакомящегося с текстом, дабы найти только художественную ценность. Оной в повести «Яшенька» нет, и не могло быть. Салтыков писал яркую сатиру, завуалировав истинные привязки к настоящему таким образом, что создал сумбурное произведение, так и не получившее должного внимания при его жизни. Творчество Михаила ценилось за попытку обличения порядков русского народа, но без прямого укора в адрес монаршей власти. В «Яшеньке», стоит вчитаться, сразу понятно, за кого нужно принимать действующих лиц.

Развесёлое житьё (1859)

В последние годы существования крепостного права Салтыков пишет «Развесёлое житьё», определив ему место среди произведений цикла «Невинные рассказы». Изначально одобренный, после он был подвергнут цензуре по причине излишней откровенности. Читатель увидел, насколько тяжела жизнь крестьянина, которому нельзя шагу ступить без дозволения барина. Всё это Михаил тщательно отразил, пусть и наделив главного героя повествования завышенными требованиями, проистекающими из необходимости показать жажду обладать простыми человеческими желаниями, при невозможности их осуществления.

С первых строк читатель видит, к кому именно обращается крестьянин. Он взывает к царю, предлагая услышать историю его жизни. Сейчас крестьянин находится в пути, движется сам не знает куда, найти кров у него не получается, с трудом добывает пропитание. Вина ли в том русского народа, стремящегося помочь нуждающемуся, но гоня его при всём прочем? Как правило, далее проявления добра напоказ дело не идёт. Не учитывая погодных условий, крестьянину отказывают в ночлеге, прогоняя даже с поля.

Крестьянин, рассказывающий свою историю, с малых лет находился в услужении. Если он и получал плату за сделанное, то в виде тумачков. Пожелай он заработать в городе, то барин его заставит вернуться домой, дав после плетей. А уж если крестьянин полюбит, то ту девушку барин отдаст в замужество за старика. Почему такое отношение к подневольному человеку? Салтыков не задаёт таких вопросов. Он наглядно показывает, дабы возникало недоумение, должное быть разрешённым в самый короткий срок. И ладно бы кормили нормально, так и в этом отказано. Как тогда спокойно принимать настолько унижающее человеческое достоинство отношение? При всём стремлении посодействовать — сделать этого не сможешь. Барин мог как угодно использовать крестьянина, даже отправить в солдаты, а то и просто убить.

Немудрено осознавать, отчего в империи бунты поднимались. Действующая власть за это нисколько не порицается. Будь барин разумным человеком, используй человеческий ресурс должным образом, существовать крепостному праву и далее. К сожалению, дворянство в России вырождалось. Оно не стремилось заниматься самообразованием, практически сравнявшись по интеллектуальному уровню с крестьянами. Разумно предположить, как тяжело придётся дворянам, лишись они дармовой рабочей силы, обязанные начать заботиться о само-окупаемости поместий.

Потому главный герой произведения Салтыкова возмутится и решит уйти из-под власти барина-самодура. Не будь в сюжете несчастной любви, то и крестьянину не решиться на им задуманное. Никто не согласится продолжать быть унижаемым, если тому нет разумного объяснения. Куда же пойти беглому крестьянину? Он обязательно свяжется с разбойниками или иначе закончит дни, хотя бы в бесцельных блужданиях по стране. Бежать ведь некуда, кругом Россия, за пределы которой крестьянину выйти не суждено.

Осталось надеяться на милость царя. Одному крестьянину он всё равно не поможет, а вот образумить дворянство ему вполне по силам. Может быть «Развесёлое житьё» способствовало принятию Александром II крестьянской реформы 1861 года, освободившей людей от закрепощения. Вполне вероятно и то, что всех интересовало разрешение давно созревшей проблемы, продолжавшей оставаться без разрешения. Своё мнение высказал и Салтыков, пусть и подпав под цензурные ограничения.

Излишняя прямота губительна. Михаил будто бы не боялся повторно оказаться в ссылке. Возможно, новый император допустил чрезмерное количество послаблений, тем дав право каждому судить на собственный лад, решать за царя, какой судьбы достойна Россия. Безусловно, в дальнейшем деятельность Александра II обернётся для страны большими бедами, в

том числе и ростом социальной напряжённости. Да о том следует судить по творчеству писателей конца XIX и начала XX веков.

Сатиры в прозе (1859—62)

В 1859 году общество империи всё более размышляет над ожидаемой отменой крепостного права. Как это произойдёт? Предполагается множество проблем, которые нужно заранее предусмотреть и минимизировать возможные негативные реакции. Салтыков предложил несколько сценариев, исходя из человеческого стремления отделываться малой кровью. Уже не «Невинные рассказы», а разговор по существу. Позже Михаил объединит часть произведений в сборник «Сатиры в прозе». Среди них окажутся «Госпожа Падейкова», «Соглашение» и «Скрежет зубовой».

Недалёкий умом помещик предпочтёт уничтожить имеющееся. Он не видит смысл отпускать закреплённых за ним людей. Так думала и «Госпожа Падейкова», ныне не имеющая возможности разбираться с доставшимся ей после смерти мужа хозяйством. Полагаясь на течение времени, помещица жила мирной жизнью, думая таким образом просуществовать до старости и спокойно умереть. Но общество серьёзно настроилось разрушить определённый ею уклад. Теперь выбор стоит между двумя вариантами: запороть насмерть крепостных или разрешиться от бремени, умерев до грядущей крестьянской реформы.

Купцы и промышленники, люди иной формации, были не менее озабочены планами общества раскрепостить Русь. От этого они теряли бесплатную рабочую силу, получали дополнительные расходы на заработную плату нанятым работникам. Они не могли самоустраниться или убить находящихся у них в подчинении людей, поскольку от такого шага они лишь наживут проблем. Решение к ним пришло самое обыкновенное, реализовать которое можно без затруднений. Нет нужды ждать отмену крепостного права, дав вольную раньше, только с условием заключения кабального «Соглашения». Когда реформа случится, работники уже не смогут освободиться от долгосрочных контрактов.

Салтыков смотрел вперёд, показывая на необходимость принятия защитительных мер. Вместо этого следовала другая ожидаемая реакция. Проза Михаила не проходила цензуру, отправляясь в долгий ящик. Только договорившись с Достоевским, Салтыков сможет через его издание вещать России о происходящих в стране несправедливостях. Да к чему указывать на то уже после свершившихся изменений? Повернуть вспять ситуацию не получится. Крепостные оказались массово истреблены самодурами, либо остались при том же крепостничестве, обманутые предусмотрительными промышленниками.

Понять причину Салтыков попытался в исповеди «Скрежет зубовой». Зачем, — вопрошает Михаил, — власть стремится стравливать подданных? Стоило призвать варягов, как те стали усиливать рост противоречий между полянами, древлянами и радимичами, побуждая славян к междоусобным войнам. Ничего с той поры не изменилось. Агрессия перешла в иную плоскость, представ уже в виде взяточничества и крепостничества. Происходящее кажется сном, которым Михаил и назвал содержание «Скрежета зубового».

Теперь, когда проблема последних веков казалась близкой к разрешению, возникали новые сложности, крепко связанные с крестьянской реформой. Для освобождения людей от зависимости требовалось длительное время с многоэтапным последовательным изменением статусов. Не должны были страдать сами помещики, так и промышленники с крестьянами. Не могли все в одинаковой степени понимать, для чего крепостное право вообще решено отменить. Сломать всегда легко, но перед этим требуется построить полноценную замену. Как видно по рассказам Салтыкова, каждый оказался представлен собственным интересам: одни лишались всего, другие приобретали нечто взамен.

Разумеется, судить о крепостном праве по художественной литературе не стоит. В России хватало светлых голов, чтобы предусмотреть все должные случиться последствия. Как не старайся, избежать недоразумений всё равно не сможешь. При всех благоприятных условиях

останутся люди, являющиеся сторонниками крайних мер, либо не желающие ощутить потерю из-за им навязанных обстоятельств. Но всё же требовалось предупреждать о происходящих в обществе процессах, чему Михаил Салтыков и способствовал.

Говоря о творчестве Салтыкова, нельзя обойти тему города Глупова. Это измышленное место существовало лишь в воображении Михаила, под которым полагалось понимать любой город, обычно получавший у писателей название N. Только Глупов не имел отношения к действительности. Нравы его населения в чём-то схожи с реалиями российской периферии, но полностью им не соответствуют. Может думаться, будто Салтыковым это делалось специально. Знающий читатель всё равно найдёт в тексте схожее с действительностью, либо домыслит требуемое. Такое отношение к происходящему и называется сатирой: вроде бы взято из жизни, являясь при том изрядно преувеличенным.

Среди населяющих город Глупов следует сразу выделить «Литераторов-обывателей». Именно они создают у общества мнение о глуповцах. Данных деятелей пера не беспокоят природные катаклизмы, как не представляет для них интереса опасная для населения угроза в виде инфекционного заболевания. Всё это является фоном прочим сюжетам. Начиная сообщать о громе или молнии, продолжают делиться сплетнями. Упоминая о проблемах водопровода, посещают на недостроенный театр, делая акцент сугубо на последнем. Про комету можно не сообщать, если её полёт нельзя с чем-нибудь увязать. Настолько плохо в Глупове с периодическими изданиями? Весьма. Хуже дело обстоит с чиновниками, особенно с имеющими отношение к пожарной службе. Коли случится пожар — тушить приедут остывшее пепелище. Для таких людей важно не обстоятельство, а реализация собственных сиюминутных интересов. Потому-то и не спешит никто, поскольку игра в карты важнее.

Ещё любят глуповцы друг друга обманывать. «Клевета» присутствует всюду. Какую угодно ерунду можешь о них говорить — не ошибёшься. Ежели получится сборище стереотипов, то хуже от того не станет. Тем труднее будет отделить правду от вымысла. «Наши глуповские дела» дополняют представление об иллюзорности города. Какие могут быть подозрения со стороны цензоров, когда в тексте явный вымысел? Облегчая труд себе, Салтыков усложнил понимание представленной информации далёким потомкам. Обыденность Российской Империи не получится восстановить, тем более с помощью произведений Михаила.

Обращаясь «К читателю», Салтыков мог написать нечто вроде прыщиного манифеста, повествуя о прыщах. Есть твёрдое убеждение, что Михаил говорил о конкретных проблемах, скрывая их вымыслом из аллегорий. Читателю остаётся предположить, якобы речь касается чиновников. Кто, кроме них, может быть причислен к прыщам? Желая, чтобы они поскорее созрели, после глубоко о том жалеешь, наблюдая за обязанным последовать излитием гноя.

Дабы отличить важность глуповца, надо знать следующее: каждый из них имеет имя и фамилию. Все прочие прозываются иванушками. Соответственно, иванушкам не есть крошек со стола важных лиц города. Об этом читатель узнаёт из рассказа «Наш губернский день». Автор повествования описывает и свой собственный стол, сообщая именно о том, каким бы он не представлялся населению, крошками с иванушками делиться не станет. Может и стал бы, да не указывает причин, почему предпочитает воздержаться.

В сборник «Сатиры в прозе», помимо упомянутых, вошли пьесы «Недовольные» и «Погоня за счастьем». Они написаны в том же духе, трудны для понимания и не поддаются анализу, если читатель плохо осведомлён о событиях середины XIX века. Они же показывают интерес к творчеству Салтыкова со стороны Достоевского, продолжавшего предоставлять место на страницах выпускаемого им издания.

Среди работ Михаила есть неоконченные произведения, никогда не публиковавшиеся при его жизни. Лежать им без внимания, не пожелай исследователи литературного наследия воздать Салтыкову должное уважение. Первая работа называется «Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека» (1860—61). Она представлена в виде личного дневника, автор которого описывает обычную жизнь, увиденные сны и попытки понять их содержание. Вторая работа, «Хорошие люди» (дата написания неизвестна), состоит из отрывков. Ориентироваться на неё среди прочих произведений Салтыкова не стоит.

Письма 1857—59

Многие письма Салтыкова не сохранились. И это понятно. Не имелось цели их сохранять. Но мыслями Салтыкова интересовались всегда, что связано с допускаемыми им вольностями в суждениях. Так сотрудниками III отделения производились вскрытия писем. Благодаря этому до нас дошли послания, показывающие Михаила с ему свойственной стороны. Первое из таких примечательных писем относится к августу 1857 года. Писал Салтыков товарищу по ученической поре, имевшему местом службы город Орёл, к Павлову. Слов для общения Михаил не подбирал, обращался резко, говорил — желает стать орловским вице-губернатором, вместо Вульфа, оную должность занимающего. Вульф-де слывёт в Орле за «дурака» и за «идиота», на него проще «напустить бешенную собаку». В тексте письма Салтыков отражал негативную точку зрения на чиновников-варягов. И именно данный момент более всего заинтересовал III отделение, так как Михаил обещал Павлову вскоре составить статью под названием «Историческая догадка». В том же месяце писал Сергею Аксакову, которому понравились его труды.

В сентябре ещё одно письмо Павлову. Михаил серчал на всякую «приказную мелкую тварь», на каждом шагу требующую взятку, без чего затягиваются дела. Он уже подавал проект о том, чтобы это изжить, но ответа не получил. Тут же назвал царя Петра самодуром за многие преобразования, начиная с крепостничества. Данное письмо взято из архива III отделения. В ноябрьском послании отказал Сергею Аксакову в предложении печататься в его журнале, потому как имел договорённость с «Русской беседой», ему же сообщил, что за ним с крайней внимательностью начало следить III отделение. Потому в декабре писал другому адресату — Евгению Коршу, опасается что-либо печатать, могут снова сослать в Вятку, откуда больше не отпустят.

В марте 1858 писал брату Дмитрию — назначен вице-губернатором в Рязань. Ему же писал в июне — работает на новой должности, будто на каторге, трудится по двенадцать часов, даже в выходные и праздники, всё в Рязани в запущенном состоянии. Скука в городе невероятная, готов подать прошение об отставке. В июне и октябре писал ещё одному товарищу по ученической поре — Владимиру Безобразову. Благодарил за хлопоты по переводу из Рязани в Петербург. Жаловался на огромную занятость, на бюрократическую волокиту. Выразил обиду на Каткова — не дал ему аванс в счёт будущих произведений, сославшись на отсутствие денег, потому «Русский вестник» скоро станет «Московским кабаком». Сказал и про собственную повесть «Яшенька», назвав «очень плохой», ожидал её публикацию в альманахе Смирдина.

Склонность Салтыкова к другим выражалась и в форме самокритики к самому себе. Повесть «Яшенька» у него очень плохая. А в январе 1859 года в письме к Анненкову «Развесёлое житьё» годилось хорошо, если хотя бы на «что-нибудь, кроме подтирки». Сам Анненков устаивался критики. Михаил рассказал про услышанное мнение о Тургеневе, будто бы к нему прежде плохо относившегося. Зато Безобразову писал про, опять же, «Развесёлое житьё», упоминая в качестве сносного рассказа. Писал ему более из желания заказать полный набор шрифта для рязанской типографии. Безобразов как раз открыл свою типографию и словолитню. После снова писал Анненкову — собирается читать «Дворянское гнездо»; об «Обломова» «обломал все свои умственные способности», «океан смрада»; Загоскин не развивается — «избитость форм и приёмов»; у Островского «сцены прелестны»; «Майков хорош, и Фет мил, и Тютчев прелестен».

В феврале Анненкову, после прочтения «Дворянского гнезда», Тургенев пишет хорошо, но в пустоту — образы пропадают в «пустом пространстве», совершаемое на страницах ни к чему не приводит — «исчезает в воздухе». О таком произведении никакой критики не напишешь, можно изобрести всякую «чепуху о лишнем человеке», навроде сделанной Стерваном Дудышкиным. На «произведения Тургенева можно только указать и пройти мимо». В октябре

писал Дружинину — живёт практически в деревне, к творчеству это не располагает, да и критики отметили его за «покойного» писателя, от которого больше нечего ждать. Выразил согласие вступить в Общество Литературного фонда. В ноябре писал Безобразову — поставили рязанским губернатором Николая Михайловича Муравьёва, с которым сразу на нашёл общего языка, говорил и о том, сколько получает от журналов за публикацию — 125 рублей с листа. Ему же в конце декабря написал — рвётся прочь из Рязани.

Письма 1860—68

В январе 1860 года сообщил Анненкову — переводят из Рязани на должность вице-губернатора Твери. В июле брату Дмитрию — приступил к исполнению обязанностей на новом месте. В августе рассказал брату — в Твери три дня гостил государь, был представлен ему лично. В декабре обратился к военному губернатору Твери графу Баранову с дозволением присутствовать на решении крестьянских вопросов, поскольку у него есть владения в губернии, доставшиеся частью по разделу имущества матери.

В мае 1861 года обратился к Якушкину, желал приобрести имение под Ярославлем. Ему же в июне рассказывал, как тяжело протекала эмансипация крестьян. Фактическое её введение отложили на два года, крестьяне должны продолжать выполнять барщину и платить оброк. Последовали бунты на местах, подавляемые вооружённым способом. Крестьян жестоко наказывали, секли. В декабре писал Анненкову — местные думают, что под городом Глуповым он подразумевал Тверь.

В январе 1862 подал прошение военному губернатору Твери об отставке по состоянию здоровья. В марте отправил Фёдору Достоевскому пару сцен для публикации в журнале «Время». Вообще, в этот период Салтыков ищет возможности для занятия, не прочь создать собственное издание. К адресатам обращается вежливо — «милостивый государь». В мае писал Утину — цензурный комитет отказал в создании нового журнала. С цензурой у Салтыкова сладить не получалось — в декабре он написал Пыпину, что всё им написанное режется цензурой, либо следует отказ в публикации.

В марте 1863 имел беседу с Островским, дело было об издании сочинений драматурга. Взявшийся издавать — Кушелев-Безбородко — отказывался платить гонорар, пока не продаст первые три тысячи экземпляров. С того же месяца последовали частые письма Панаеву, вроде отчётности по делам «Современника»: что ему должны, что он истратил. В сентябре просил Островского опубликовать что-нибудь в «Современнике». Из других адресатов той поры переписка касалась всё того же «Современника» — Салтыков искал авторов.

В октябре 1864 писал Некрасову, касательно публикации собственных произведений, рассорился с редакцией «Современника». В тот же месяц обратился к министру финансов Рейтерну «об определении меня на открывшуюся вакансию председателя Полтавской казённой палаты». Был принят на аналогичную должность в Пензе. В декабре писал Анненкову — дела идут плохо, мать требует закрыть долг от покупки имения в Витенёво.

В январе 1865 — письмо из Пензы начальнику канцелярии министра финансов Фандер-Флиту: вступил в должность. В марте Анненкову: Пенза — «отвратительный городишко», местный губернатор полон тёмных дел.

В ноябре 1866 — телеграмма директору департамента государственного казначейства министерства финансов Купреянову: согласен перейти на аналогичную должность в Тулу.

На протяжении 1867 года переписывался с управляющим имения в Витенёво — Каблуковым, во всём ему доверял, дал доверенность на свободу в действиях, его же постоянно просил высылать деньги, в них остро нуждаясь. В апреле писал министру финансов Рейтерну. Сперва просил отпустить в Петербург на Пасху, после жаловался на чиновников и губернатора Тулы. Из дополнительных источников известно — губернатор едко отзывался о деятельности самого Салтыкова, особенно об измышленных Михаилом запретах для чиновников, более того — губернатор жаловался на Салтыкова царю лично. В ноябре Салтыков уведомил министра финансов Рейтерна — прибыл в Рязань для исполнения обязанностей. В декабре из переписки становится известно — занял 2500 рублей у Некрасова.

В 1868 писал письма из Рязани преимущественно Некрасову, давал характеристику желавшим печататься в «Отечественных записках». Так роман Решетникова назвал «навозом,

который читать невозможно», вероятно — автор писал произведение, будучи пьяным. В июне письмо министру финансов Рейтерну, благодарил за службу. Как было на деле? Салтыкову отныне навсегда запрещалось занимать должности на государственной службе.

Статьи 1856—60

Новое вхождение в публицистику Салтыкова было не особенно спешным. Не случилось пока цензурной реформы, потому опасение публиковать вольные взгляды Михаила издатели опасались, чаще сразу отказываясь. Порою и сам Салтыков это понимал, не давая ход написанным им заметкам. Но не всему суждено отлёживаться, ежели речь не касается происходящих в стране перемен. Позволить себе сказать честное мнение касательно поэзии Михаил мог спокойно. Так он поступил в отношении второго издания сборника стихотворений Кольцова (1856) с предисловием Белинского. Тогда же Салтыков усвоил понимание важности анализа прочитанной литературы, дабы в дальнейшем не ограничиваться поверхностным рассмотрением, заглядывая даже глубже, нежели следовало.

Понимать литературное произведение всегда требуется особым взглядом, похожим и непохожим на написанную прежде на него критику. Каков бы не был авторитет Белинского, опираться на слова такого специалиста нет необходимости, когда доступно право на выражение собственного мнения. Не так жестока цензура, дабы постоянно на неё оглядываться. Пусть Белинский прежде был под запретом, теперь же его имя опять достойно быть услышанным, но минули годы с момента его взгляда на литературу, а значит теперь допустимо иначе взглянуть на минувшее. Собственно, первое издание сборника стихотворений Кольцова практически идентично рецензируемой Салтыковым второй редакции.

В том же году общественность удостоилась ознакомления с трудом «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския» инока Парфения, к нему приложился с анализом и Михаил. Тема раскола продолжала будоражить умы населения России. А тут вышло наглядное пособие, демонстрирующее многообразие старообрядческих общин, среди которых преобладали сектанты, вроде предпочитающих себя оскоплять, либо морить голодом до смерти или подвергаться сожжению. Сохранилось несколько редакций критической заметки Салтыкова, однако ни одна из них при его жизни не публиковалась. Собственно, интерес она вызывает более пересказом труда инока Парфения, чем каким-либо разбором или пробуждением собственных мыслей. Добавить к тексту больше сказанного лицом сведущим Михаил не мог по понятным причинам.

Следующие упоминаемые тут заметки остались уделом внимания потомков. «Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян» (1858) и статья «Ещё скрежет зубовный» (1860) плод размышлений Салтыкова о подготавливаемой реформе по отмене крепостного права. Логично предположить, насколько общество будоражило ожидаемое событие. Быть в стороне от него не представлялось возможным. Литературные произведения тех времён обязаны были содержать отголоски грядущих перемен, и мало какой писатель обходился без высказывания предположений о должном быть. А так как Михаил любил говорить откровенно, он поделился соображениями с бумагой, ибо надеяться на их публикацию не мог.

Людам полагается быть равноправными: считал Салтыков. Но какое может быть равноправие, если давая людям одинаковые права, бывшие помещики остаются помещиками, а крепостные теми же крестьянами? Что имели имущие, того не иметь неимущим. Правительство предлагало сомнительные решения для реализации задуманных планов. Ведь не возьмёт крестьянин более даваемого, ежели того не пожелает помещик. Разрыв веками сложившихся отношений происходит не по справедливости. Это и огорчало Михаила.

Самое удивительное, русский человек всегда возмущался, если слышал о притеснениях. Его ужасали зверства американских плантаторов в отношении рабов-негров, ему были не по душе устраиваемые капиталистами условия труда для пролетариата, тогда как он сам — русский человек — притеснял себе идентичного во всём русского человека. Как тут не поделиться скрежетом зубовным. Приходится сомневаться, будто когда-нибудь такое положение

будет исправлено. Салтыков не предполагал, но потомок знает: в России никогда не появится условий, чтобы всё распределялось равномерно — обязательно будут те, кто возьмёт плохо лежащее и объявит своим, и те, кто должен будет этот факт признать, вынужденный смириться со сложившимся ещё тысячу лет назад порядком.

Газетные статьи за 1861 год

Крестьянская реформа случилась. Общество взбудоражено и негодует. Все хотели чего-то определённого, но всем угодить одновременно невозможно. Вслед за освобождением крепостных из-под зависимости от помещичьего гнёта, разразилась ожидаемая реакция общества, выраженная протестом против избранного правительством пути. Вместо согласия с необходимостью признать свершившееся в каком угодно исполнении, каждый желал поделиться собственными суждениями, будто имевшими действительно важное значение. Разумеется, Салтыков не стоял в стороне от событий: он писал статьи в газеты, их публиковали, но с соответствующими цензурными исправлениями, так как какой бы злободневной мысль человека не была, она не могла идти против свершившегося по воле царя деяния.

С апреля по октябрь Михаил написал следующие статьи: «Об ответственности мировых посредников», «К крестьянскому делу», «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу», «Ответ г. Ржевскому», «Где истинные интересы дворянства?». Он скорее полемизировал с оппонентами, высказывая суждения, дабы услышать ответ и ещё раз выразить мнение на страницах периодических изданий. Существенного значения это иметь не могло, кроме дополнительного раздражения и без того накалённых до крайней меры власть имущих лиц. Понимал ли Салтыков, что о чём не говори, всегда найдутся мыслящие иначе? На том и держится мир, созданный природой для борьбы интересов.

Не всякий читатель согласится с Михаилом. Например, он утверждает, будто в России никогда не было бюрократов. Просто так складываются обстоятельства, что русский человек живёт обыденной жизнью, радуется успехам родных и огорчается от их промахов, и порою он ходит на работу, где от него чего-то ждут, тогда как он душою продолжает находиться дома. Такова манера существования русского человека, которую никак нельзя называть склонной к бюрократии. Раз Салтыков считал именно так, значит имел для того необходимые ему взгляды на действительность, чтобы считать правоту сего вывода неоспоримой.

Все населявшие Россию люди понимали — долгожданное освобождение от крепостной зависимости свершилось, нужно принять этот факт за данность и продолжать жить при новых условиях. Понятно, важно убеждать мировых посредников внимательнее относиться к каждому порученному им случаю. Помещикам не давать больше положенного, но и крестьян не обделять. При этом Салтыков сам понимал, как мала в действительности затрагиваемая им тема. Не могло быть для него таким уж секретом, что страна давно подготовилась к реформе, осуществив необходимое заранее. Остались самые нерадивые, питавшие надежду до последнего на лучший для них исход. Для кого не срослось, те стали выражать недовольство.

Впрочем, хорошо известно, как человек любит судить поверхностно обо всём, ничего не зная конкретно. Он может полемизировать в письмах или публицистических изданиях, создавая впечатление, будто разгорается пожар всеобщего недовольства, тогда как он давно отгорел, продолжая тлеть. Кому-то и малый дым от костра кажется грозным явлением, ежели представлять его рядом с собою, не задумываясь, насколько далеки от него остальные. Так и Михаил смел рассуждать, выпуская пар от скопившихся внутренних переживаний. Он мог говорить существенно важные вещи, только интересовало ли это тогда хоть кого-нибудь? Время покажет, к чему приведёт содеянная правительством реформа.

Пыл угаснет, стоит осознать произошедшее. Салтыков имел право говорить, и ему никто не мешал выражать мнение. Излишне многие в тот год допускали критические высказывания, привыкшие к терпимости Александра II, будто не знал царь, чего может стоить любая воля, даваемая людям: они принимают им требуемое, а потом безудержно ругают, а в отдалённой перспективе начинают вытирать ноги, утратив чувство благодарности.

Глулов и глуповцы (1862)

Глупый народ — русский народ. Чем ближе знакомишься с творчеством классиков середины XIX века, тем сильнее в этом убеждаешься. Никто не говорил прямо о глупости, но это подразумевалось. Если люди желали терпеть над собою власть, никак не собираясь заявить о праве на личное мнение, то никак иначе к ним нельзя было относиться. Глупыми оказывались и писатели, прямо сообщавшие о происходящих в обществе переменах. Салтыков продолжал идти путём аллегорий, создавая собственное представление о происходящем в России. Не зря его спрашивали, какой населённый пункт он понимал под показываемым им Глуловым. Приходилось отвечать: это не Рязань и не Саратов, всего-то измышленный потехи ради город.

Салтыкову не верили. Редкое произведение глуповского цикла попадало в печать. Не оказалось известным читательской публике и общее обозрение «Глулов и глуповцы». За несколько лет до этого Михаил выпускал короткие заметки, подготавливаясь к более масштабной работе. Он написал «Два отрывка из Книги об умирающих», понравившиеся Толстому, и анонимно «Характеры», стремясь найти соответствие действительности придумываемым реалиям Глулова.

Стараясь избежать создания портретов известных ему людей, Михаил заменял действующих лиц определёнными группами, наделяя каждую характерными чертами. Нашлось место и глупому народу, особенно выделяющемуся на общем фоне, хотя все представленные на страницах не стремятся предстать умными. Развивая мысль, Салтыков мог двигать повествование в любую сторону, всё больше обличая действительность. Не станет читатель видеть на страницах Глулов, когда описанное так напоминает знакомую ему обыденность. Усвоив такое, публиковать подобную сатиру требовалось с осторожностью, опасаясь возможной реакции власти.

Михаилу следовало говорить прямо, чего он опасался. Получалось так, что вместо конкретного города, где подобное имело место быть, Салтыков подразумевал повсеместное распространение описываемых в глуповском цикле нравов. С таким подходом нельзя соглашаться, учитывая способность человека обижаться за сказанную ему правду. Не спасут измышленные города глуповы, жизнь в которых повсеместно имеет сходные черты. Даже при их отсутствии, попробуй убедить, будто такого на самом деле нет. И ведь не было! Но разве кого в том уверишь, когда желается видеть определённое?

Положение Салтыкова спасали происходящие в стране перемены. Отказ от крепостного права вносил коррективы в понимание нравов Глулова, либо усугублял, смотря как интерпретировать сообщаемые Михаилом представления. Спасало и то, что глуповского цикла в итоге не получилось, оставшегося в наследство следующим поколениям читателей, получившим право знакомиться с тем, о чём не ведали современники Салтыкова. И уже не имело значения, какие люди населяли город Глулов, так как они стали частью истории.

Выходит, не был русский народ глупым. Таковым его представляли, но он жил согласно внутреннему чувству необходимости смирения с происходящим. Нельзя ведь назвать глупым того, кто подстраивается под обстоятельства. К чему не стремись, лучше никогда не станет: такова позиция русского народа. Обязательно начнётся переосмысление взглядов, занимающих одностороннюю позицию. Если захочет народ казаться сильным внешне, он обделит себя и выставит на обозрение силу. Ежели пожелает обладать внутренней силой — забудет обо всём, созидая на благо страны. Иного в истории русского народа не случалось. Ко времени творчества Салтыкова переход от внешнего блеска только подвигался к желанию народа преобразиться изнутри. Вскоре исчезнут глуповы, пока же они оставались.

Придётся отметить, Салтыков зафиксировал положение взаимоотношений между русским народом и русской властью, имевших одинаковое направление показывать имеющуюся у

них мощь. Только почему-то это казалось глупостью. Гораздо лучше иметь крепкую государственную ось благополучия, пусть и при матовом покрытии.

Глуповское распутство (1862)

Истории про распутство глуповских нравов не нашли применения в периодике. Современный Салтыкову читатель так и не узнал, каким порокам предаются жители придуманного Михаилом города. А если бы и узнал, многого из того вынести у него бы не получилось. Единственный важный акцент, сообщаемый в тексте, отражает неспособность русского человека изменяться, оставаясь преданным прежним представлениям. Стоило ли отменять крепостное право для крестьян и рабочих, оказавшихся в той же самой зависимости вплоть до революции большевиков, чтобы подпасть под схожее крепостное право снова? Не надо задумывать наперёд, дабы понять, какое будущее ожидает населяющих страну людей. Как были рабски покорны, так и останутся. Впрочем, Салтыков писал всё-таки о глуповцах, поэтому приходится на свой страх продолжать домысливать за Михаила.

Среди глуповцев существуют петрушки. Эти молодые и сладкогубые парни сводят с ума барынь. Их нельзя не любить, но приходится мириться с непостоянностью предпочтений петрушек, сегодня предпочитающих одну особь женского пола, завтра — другую. Барыням проще, таковых неверных им людей легко наказать, отправляя в ту же армию, приближая к себе нового петрушку. Обилие сладкогубых парней радует барынь, готовых приближать и отдалять, стоит появиться такому желанию.

Разумеется, не о распутстве рассказывал Салтыков. Если и о распутстве, то не петрушек. Сложилось такое положение, требующее озаботиться ближайшим будущим. Утрата власти над крепостными привела дворян в уныние, заставив искать способы преодоления возникших затруднений. Люди подались куда угодно, стараясь найти угодный им угол. Кто-то мог остаться преданным державшему его человеку, вольный в любой момент изменить такому предпочтению. Трактовка получается хлипкой и сверх меры измышленной, только кто станет всерьёз воспринимать рисуемое Салтыковым распутство? Для чего-то Михаил взялся отразить эту сторону жизни глуповцев, значит имел для того определённое намерение.

Другое распутство, за оное не принимаемое, обилие денег у крестьян, не представлявших, куда их можно потратить, или, скорее всего, не имевших возможности найти им применение. У них карманы оттопыривались от имевшихся в наличии денег, отчего они слыли за краснобаев, травящих о им доступном больше, нежели имеют, тогда как они располагали гораздо большими суммами. Об этом как-то никто не задумывается, создавая представление о нищенствующих крестьянах, отпущенных на волю без куска земли, вынуждая людей батрачить пуще прежнего, лишь бы найти деньги на пропитание семьи.

И тут хлипкая трактовка со сверх меры измышленным предположением. Благо произведение «Глуповское распутство» не нашло места на страницах литературных журналов, заставляя размышлять о прошлом уже потомка, коли у того появится стремление осознать, в каком положении оказалась Россия, пытавшаяся отказаться от закабаления собственного народа, дав ему право на самостоятельное существование. Время показало, что русский народ не способен мыслить вне предлагаемого ему варианта бытия, согласный подхватить всякое правительство, взявшее над ним бразды правления.

Осталось найти у Салтыкова тех глуповцев, которые в одиночку или малыми группами способны влиять на происходящее, поскольку перемены в Глупове свершаются чьими-то руками. И когда о них узнают, то их принимают без возражения. Так даётся ответ на весомый аргумент в виде будто бы нехарактерной для русского мышления власти советских руководителей. Отнюдь, в общей массе народ покорился делам малой группы людей, приняв дарованное им видение ситуации. По Салтыкову выходит так, что в России успех приходит к действующим решительно и не берущим в расчёт мнение народа. Ибо если кто задумается о нём, того народ не примет: не рабам определять политику бар.

Каплуны. Тихое пристанище. Тени (1862)

Тяжело сообщать людям информацию, когда они не желают тебя слышать. Российскому писателю времён начала правления Александра II пока ещё требовалось пройти рамки цензуры, дабы оказаться заслужившим внимания. Цензурная реформа произойдёт через несколько лет, когда у Михаила исчезнет желание возвращаться к пройденному этапу поиска скрытого побуждения. Жизнь преображалась на глазах. Государство начало отходить от внешнего лоска. Не скоро, но всё обязательно наладится. Так мог думать и Салтыков. Может поэтому он отложил глуповский цикл, бесполезный в сложившихся обстоятельствах.

Произведения «Каплуны», «Тихое пристанище» и «Тени» при жизни Михаила не публиковались, либо были размещены в периодике фрагментами. Часть из них Салтыков не дописал, о некоторых нельзя точно сказать, когда они создавались. Требовалось ли опираться на содержание, стремясь установить точную датировку работ? Тут следует взвешенно думать, стараясь сперва понять чувства непосредственно автора. Потомки грубо вторгаются в мировоззрение Салтыкова, публикуя черновые варианты произведений или домысливают за него, о чём он предпочёл умолчать.

Но раз чужое прошлое теперь известно, значит нельзя от него отворачиваться. Нужно подходить взвешенно и стараться найти важные для понимания моменты. Как и прочее, оставшееся неопубликованным, не несёт литературной ценности. Читатель заметит, насколько странно говорить таким образом, когда наследие Михаила столь важно в плане понимания русской культуры и традиций страны. В том то и дело, что оценивать надо не литературную составляющую произведений, а культурологическую, либо и вовсе философическую. Подходя к творческим изысканиям Салтыкова со стороны взвешенного к ним отношения, сможешь увидеть, как мало в них придуманного, при явном преобладании точного отражения происходящего с населяющими Российскую Империю народами.

В «Каплунах» Михаил продолжил разбирать тему пороков города Глупова. Неприятельный цензор мог дать одобрение на публикацию, не находя в тексте элементов действительности. Но разве не знали, как Салтыков подходил к творческому процессу? Кажется, 1862 год оказался переполненным негативным отношением ко всему, под чем стояла подпись «Н. Щедрин». Оказывалось лучше не допустить к печати, поскольку обязательно будет найдено обличение действительности, к чему цензоры не желали иметь отношения.

Думается, глуповский цикл умер и по той причине, что когда Александр II разрешил публиковать любое произведение, ответственность за которое автор понесёт после в полном объёме, охладило намерение Салтыкова испытывать судьбу. Он вовсе предпочтёт забросить подобное грубое обличение действительности, ведь как не старайся писать о неприятном, всё равно примут за пародию на российские нравы.

О недописанных «Тихом пристанище» (другое название «Мастерица») и «Тенях» лучше вообще ничего не говорить. Работы, которые автор не довёл до конца в силу отсутствия для того необходимости, следует сразу отставить. Если сам Салтыков счёл то правильным, то поверим ему в том суждении и мы.

Читатель отметил, как Салтыков открывается перед ним. Не едкий сатирик, а мыслитель, заглядывающий так глубоко, что этого начинаешь бояться. Нужно было постараться разглядеть в победоносном русском народе, на протяжении последних веков почти не знавшем поражений, стремление к жизни не ради себя, а ради других. Не так всё плохо, как оно кажется на самом деле. Нет, русский народ не поддерживает того, кто стоит над ним! Русский народ поддерживает всякого, кто стремится быть над ним. Русский народ с момента зарождения склонен к симбиозу, впитывая в себя всякую культуру, становящуюся в итоге русской. Кто бы не стал выше, тот станет частью России. Это кажется нереальным, но ничего не меняется за протяже-

нии тысячи лет. И вполне может оказаться, что от русского народа скрывают тайну, ибо кем-то же прежде он был, кого-то спланивал и стал таким, каким его мы знаем сейчас.

Миша и Ваня (1863)

Теперь, когда крепостное право отменено, оказалось допустимо говорить о прежде тво-римых помещиками бесчинствах. Не всё пропускала цензура, но чем истории подобного рода могли навредить? Они подтверждали правоту действий государя, решившего проблему закрепощения Руси. Только из-за стремления видеть в людях человечность, Салтыков оказывался под особым надзором. Он знал реальный случай, как два мальчика решили убить друг друга, тем освободившись от издевательств помещицы. Рассказ «Миша и Ваня» именно о том и повествует. Несмотря на содержание, он вошёл в цикл «Невинные рассказы».

Как поступить крестьянину, если барин заставляет есть тараканов или лизать горячую печку? Подобное глумление способно сломать любого человека, особенно не имеющего права выступить против такого отношения к себе. Являясь совершенно бесправным, каждый крестьянин принимал издеательства, либо проявлял недовольство, тем способствуя наступлению ещё более нежелательных последствий. Многие предпочитали прекратить мучения, идя на самоубийство. Но то понятно, если на такой шаг решается взрослый человек, хорошо обдумавший принятое им решение. В представленном Салтыковым случае на это же решились дети. Читатель должен понять, насколько невыносима для них должна была быть жизнь.

Чтобы не отступить от задуманного намерения, Миша и Ваня подбадривались убеждениями о грядущем воздаянии для помещицы. Никто их не осудит за ими совершённый поступок. Они обязательно попадут в рай, где им простят самоубийство от безысходности. Вот на этом моменте читатель уже понимает, как далеки были крестьяне в представлении Салтыкова от тех, какими они должны быть в действительности.

Почему роптал крестьянин? За то, что ему жизни не давали? Или так роптало за него общество? Или настолько изменились представления о религии? Может люди не понимали, чего они в действительности хотят? Крайняя мера не является оправданием данных жизнью испытаний. Суровый барин скорее даровал крестьянину возможность приблизиться к Богу, испытав подобие мук, Христом перед смертью принятых. Такое мнение, находящее опору в произведениях древности, сталкивается с переосмыслением прошлого. Теперь человек отказывается искать и принимать трудности, желая жить в праздности.

Как видно, христианское общество идёт по пути гуманизма, забывая всё то, ради чего оно создавалось. При этом, зачем-то, религия ставилась на особое место в крестьянской среде. Будучи богобоязненными, крестьяне ничего не понимали в христианстве. Потому и самоубийство ими не порицалось, хотя должно было подвергаться наибольшему осуждению. Так думается, да не об этом решил рассказать Салтыков.

Требовалось показать самодурство дворянства, доводящее людей до мыслей о самоубийстве. Обвинения заслуживают не идущие на отчаянный шаг, а забывшиеся в праздности люди, потерявшие понимание человечности, уподобившейся для них почве под ногами, которую они могут топтать, ибо останутся безнаказанными. По данной причине и осуждалось крепостное право, ставшее пережитком прошлого. Если бы Россия продолжала дальше жить при закреплённом люде, то в век технического прогресса это грозило отставанием в развитии. Мешали стране и необразованные дворяне старой формации, которым надлежало отойти в прошлое, освободив пространство для способных организовать трудовой процесс, должный вести империю к процветанию.

Всего этого не могли знать Миша и Ваня. Для них не существовало примеров благой жизни. Они могли вспомнить других самоубийц, некогда решившихся наложить на себя руки. Не представляя ничего другого, мальчики могли поступить похожим образом. И тут читатель находит ещё одну важную деталь повествования. Дворяне не желали воспитывать закреплённых под их надзор людей, не видя в том необходимости. Они распоряжались людьми по праву

рождения или наследования, вследствие чего не стремились добиваться лучшего, уничтожая имеющееся.

Статьи из «Современника» (1863)

Живя в окружении псевдонимов, Михаил порою пренебрегал и ими, оставляя написанные статьи без подписи. Хорошо потомку осознавать, как потрудились исследователи творчества Салтыкова, выискивая различные редакции, сличая гранки и полностью проникаясь духом творчества некогда жившего человека. Но опять берёт сомнение, насколько полезно знать, чем занимал свободные дни Михаил, когда не писал художественных произведений и не пылал гневом на происходившие в России перемены. Оставаясь безликим для современников в плане работы в «Современнике», Салтыков такой же безликий, к чему не желается протягивать руку. Для широты понимания личности, подобное творческое наследие бесценно — оно позволяет найти новые слова к уже сказанному и должному быть сказанным ещё.

Среди прочих псевдонимов, где фамилии Щедрин уделено наибольшее внимание, мелькали личности вроде К. Гурина, Т-на и Вл. Торопцева, ничего не говорившие читавшим периодические издания людям. Собственно, газеты и журналы всегда кажутся лишёнными лиц, если речь о наполняющих их содержание людях. Редко важно, чьим именем подписана статья, так как общая позиция обычно чётко определяется, к каким бы ухищрениям, вроде отписок о непричастности к мнению автора редакция не высказывала.

Не говоря об участии, Салтыков писал свободнее. И без того критически настроенный, он не щадил читателя, высказываясь по существу. В «Московских письмах» он разнёс театральных авторов, чья отвратная манера изложения достойна отвратного актёрского исполнения, причём настолько, что чем больше презрения актёр покажет своею игрой, тем актёра же положение будет выше, нежели автор питал надежд на успех. Нужно давать авторам понять, как важно создавать качественные произведения, угодные публике, вместо чего они плодят пустышки, должны затеряться, стоит сойти им со сцены.

Рассказывая о театре в соответствующей рубрике «Современника», Михаил не обошёл вниманием премьеры того года, в чём-то разочаровавшие его, а чем-то порадовавшие. Он оценил «Слово и дело» Ф. Устрялова положительно, но не нашёл в нём ничего, кроме отражения нигилизма Тургенева из «Отцов и детей». Получилось, будто Устрялов всем угодил, найдя нужные выражения, дабы все приняли их за критику в адрес оппонентов. Короткую заметку «Первое представление новой драмы г. Островского» Салтыков не стал раскрывать подробнее, поскольку об Островском допустимо говорить только в тонах восхищения. Не стал себя разочаровывать Михаил и после просмотра «Горькой судьбины» А. Писемского, в меру похвалив её автора.

Зато о фантастическом балете «Наяда и рыбак» Ж. Перро Салтыков говорил долго и злобно, не понимая, как нелепое действие, грубо говоря — ни о чём — способно заинтересовать зрителя. Если нет толкового сюжета, аллегоричность не просматривается, зачем тогда сотрясать воздух различными па? Похоже, в России романтизм к шестидесятым годам XIX века умер, уступив место реализму. Это во Франции к реалистическому направлению только начинали подбираться, тогда как в России давно писали о происходящем в действительности, не желая искать оправдания существования за счёт измышленных потехи ради неправдоподобных сюжетов. Михаил был столь категоричен, что заметка о данном балете не прошла цензуру.

Статья с длинным названием — Несколько слов по поводу «Заметки», помещённой в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 год — дала Салтыкову пищу для размышлений касательно ожидаемой реформы той самой цензуры, мешавшей писателям творить без оглядки на возможность быть опубликованными. Безусловно, цензура останется. Только какой облик она примет? Если ранее произведение не публиковалось, пока его не одобряют, то неужели теперь оно может быть опубликовано в любом случае, а только потом последует недовольство властей, а вместе с ним и наказание для автора и/или издателя. Чем же хороша такая цензура,

ежели и до её реформы в России сохраняется ситуация, когда приходится заранее всё взвешивать, опасаясь возможных последствий. К слову будет сказано, сей образ мысли так и остался у россиян на подсознании, заставляя внутренне осознавать неблагоприятный эффект, даже при полном дозволении говорить любую угодную мысль.

«Несчастье в Порхове», в первой редакции «Известие из Полтавской губернии»: свидетельство Михаила о царивших в России порядках. Кажется удивительным, севший править страной, Александр II столкнулся с должной быть ему непонятной ситуацией — новые поколения заявляли о том, что им никаких реформ не надо, как не надо вообще чего-либо, поскольку они нигилисты. Забавный парадокс случился в государстве! Некогда молодёжь желала реформ, но когда оные пришли, они будто утратили актуальность. Потому за Россию переживали все, кроме тех, кому жить в ней дальше. Вот и сошлись в Порхове в борьбе представители старой гвардии, тогда как молодогвардейцев среди них не было.

В том же 1863 году вышло ещё две статьи без подписи: «Драматурги-паразиты во Франции» и «Несколько полемических предположений». Те писатели, о ком сами французы могли быть возвышенного мнения, вроде Ожье, Салтыкову никак не нравились. Коротко говоря, шантрапа в цене у парижан, опять они предпочли реальности туман. Требовалось думать, каким видеть положение в самой России, как об этом писать. Настоящее положение продолжало вызывать беспокойство у Михаила.

Фельетоны и юморески из «Свистка» (1863)

Созданный незадолго до 1863 года, именно в 1863 году «Свисток» приказал долго жить. Будучи приложением к журналу «Современник», он оказался похоронен как раз в тот момент, когда к коллективу авторов присоединился Салтыков. Под теми же неблагоприятными псевдонимами, не претендуя на адекватное восприятие действительности, Михаил предался куражу, забыв обо всех запретах, некогда перед собой поставленных. Он и за стихотворения принялся, публикуя их без особого осмысления. Серьёзность уступила место бесшабашности. Иначе нельзя охарактеризовать помутнение, случившееся с Михаилом в первые месяцы весны.

Остаётся гадать, какой именно материал был подготовлен для «Свистка» Салтыковым. Придётся гадать и о размере участия в трудах, ему приписанных. Сейчас принято считать, что Михаил написал следующие фельетоны и юморески, к созданию которых он точно приложил руку: «Цензор впопыхах», «Московские песни об искушениях и невинности», «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче, или Искание розы без шипов», «Секретное занятие», «Литературные будочники», «Сопелковцы» и заметка о планируемых произведениях к следующим номерам издания.

Для читателя не является секретом понимание стремления писателей говорить о многом, но лишённых такой возможности из-за ограниченности в предоставленном для творчества времени. Какие бы безумные идеи не приходили, нужно о них хотя бы сказать. Так и поступил Салтыков, поделившись желаемыми к воплощению сюжетами, а то и просто своеобразно посмеявшись, ничего подобного излагать не собираясь. Разве получится у кого-нибудь написать произведение, где лесть будет восприниматься грубостью, а грубость — лестью? Достаточно представить такое явление, ведь всему всегда найдётся место, ежели того захотеть.

Не видя ограничений, Салтыков творил, позабыв о реалиях России. Его творчество из «Свистка» ничем не хуже и не лучше работ писателей, массово пришедших в литературу спустя половину века. Когда монархия падёт, тогда прорвутся в мир художественного слова люмпены разного калибра, забивая каждую щёлочку, вооружившись футуризмом, набравшим тогда популярность. Но Михаил не предлагал повергать основы всего и вся, не искал он и новые способы самовыражения. Всё им написанное — укладывалось в рамки сатиры, вроде легковесного балагана, устроенного Алексеем Константиновичем Толстым и братьями Жемчужниковыми, писавшими под псевдонимом Козьма Прутков. Салтыков им вторил, поддавшись на краткий момент возможности отдохнуть от тяжких дум о судьбе России.

Забывать полезно. Ещё полезнее — не обращать внимание на чинимые тебе препятствия. Коли кому понадобилось выразить мнение против, тому не надо отвечать с полной серьёзностью. Лучше говорить, не оглядываясь на других. А если возникает необходимость спора — доказывать позицию не имеет смысла. Ведь известно — спор служит способом узнать мнение оппонента, но никак не является средством для переубеждения. Иногда лучше дурачиться, не задумываясь о восприятии со стороны. И тогда на помощь приходят какие угодно стихи.

Дабы успокоить нрав и не тушеваться, дабы возразить и победителем казаться, нужно совершить деяние и на нём стоять, никому не собираясь возражать. Это трудно, есть желание речь произнести, в круг здравомыслящих этим войти, но держат за дурака, ума не замечая, для того понимания есть мысль простая. О ней сказано не раз, и сказано не раз ещё будет о ней: тот умнее, кто окажется оппонентов глупей. Не сейчас, много позже, не современник, так потомок сию истину поймёт, соглашаться станет, доказывать правоту некогда глупых слов он начнёт. И окажется, кто говорил умные вещи, тот в бозе почил, словно никогда с разумом он не дружил.

О творчестве Лажечникова и Фета (1863)

Публикуясь анонимно в «Современнике», Салтыков уделял внимание и выходящим литературным произведениям. Он брался рецензировать едва ли не всё, способное заинтересовать читателя. Среди прочих были и последние работы Ивана Лажечникова и Афанасия Фета, представителей, чья деятельность во славу художественного слова насчитывала сорок и двадцать пять лет соответственно. Отдавая дань уважения заслугам, Михаил не собирался прощать допускаемые ими ныне огрехи в творчестве, о чём он и высказался.

Салтыков резко подходил к работам романтического направления. Не нравились ему предсказуемые описания внешности у положительных и отрицательных персонажей. Ему казалось скучным, чтобы злодей вызывал отвращение уже своим видом, тогда как доброму действующему лицу везло во всякой малости. Ведь очевидно — красивый может быть прогнившим внутри, а гнилой снаружи — излучать внутреннюю красоту. В век слома устоявшихся представлений, Михаил требовал исходить из необходимости наполнять произведения реалистичными персонажами, взятыми из жизни.

Но одно дело, когда думает Салтыков, другое — представление о должном быть в исполнении Лажечникова. И Михаил это понимал. Не переубедить писателя старой формации принять новое видение мира, от него остающееся далёким. Лажечников должен был верить в им описываемое, он сам возвышался, рассказывая о возвышенном, и молодец — повествуя о юности. Ему так хотелось, поэтому не надо пытаться идти против. Достаточно высказать негативное суждение, тогда как прочее будет ясно и без этого. Не приходится удивляться, каким провальным вышел в итоге роман «Немного лет назад», который потомку и днём с огнём не сыскать, не прояви он к тому основательного усердия.

Не лучше Михаил относился к творчеству Фета. Он принимал важность поэтических заслуг, радовался популярности романсов и отдавал им должное уважение. Только одно мешало воспринимать подобные стихотворения. О чём бы не писал Фет, он всегда пишет об одном и том же, используя один и тот же подход. Из-за этого сложно внимать поэзии, где всё сводится едва ли не к игре словами, поскольку главным считалось начать, а далее строчки польются сами, причём с упором на поэтику, а не на важность вкладываемого в них смысла.

Отозвавшись строго, Салтыков углублялся в стихотворения, подвергая их анализу. Вывод возник однозначный: Фет — второстепенный поэт. Объяснение этому в том, что мир творчества Фета ограничен рамками, за которые он никогда не переходит. Из этого следует, что Фет исчерпал себя и более не представляет ценности. Михаил не думал убавлять градус категоричности, изыскивая всё новые слова, нивелирующие значение столь популярного поэта, будто не заслуживающего права творить, должный почивать на заслуженных лаврах, не расширяя и без того широкое литературное наследие.

Михаилу осталось обвинять Лажечникова и Фета в наивности. Даже не подумаешь, какие ожидания Салтыков испытывал, берясь за их новые литературные труды. Неужели он предполагал, как Лажечников станет писать в духе его самого, а Фет о том же, но только стихами? На самом деле критика Михаила не отражала поселившейся в его душе злобности. Он просто выражал мнение о наболевшем, говоря в общем, давая представления о желаемом преображении литературы. Время романтизма ушло, уступив место реализму, чему сопротивлялись писатели, продолжавшие создавать произведения в духе прежних лет.

Пока не случилось забыть успехи былых поколений, нужно осознавать важность ими созданного. И пусть они продолжают творить, отказываясь видеть случившиеся перемены. Салтыков не мог этого не понимать, но для рецензий ему требовалось хоть о чём-то писать.

О компиляции и патриотизме (1863)

Всё имеющее вид благого начинания — оным является редко. Особенно это касается литературы. Казалось бы, имеется сборник произведений, изданный ради какой-либо цели: он должен восприниматься положительно. Но отчего таких мыслей у здравомыслящего человека не возникает? Причина того очевидна. Нет смысла в собранных в одном месте художественных текстах, если преследуется коммерческий интерес. Приходится признать, чаще всего так и происходит. Такому сборнику устанавливается необоснованно завышенная цена, авторы не получают отчислений, тогда как весь денежный поток идёт составителю, не придумавшего ничего лучше, нежели нажиться за чужой счёт.

Салтыков высказал недовольство в адрес издавшего сборник стихотворений «Гражданские мотивы». Его возмутила цена в пятьдесят копеек, тогда как более пяти копеек сей труд явно не стоит. Ладно бы авторы действительно получили вознаграждение, но согласно действовавшим тогда в России правилам — один лист допускалось цитировать без возникновения обязанностей. В случае поэзии это особенно нравилось составителям, якобы выполнявших важную миссию по просвещению населения, тогда как их интересовала лишь прибыль. Осознав сей факт, Михаил уже не мог серьёзно разбираться в содержании сборника, к тому же далёкому от каких-либо гражданских мотивов.

Столько же недовольства Салтыков высказал в адрес почившего князя В. Львова, автора труда «Сказание о том, что есть и что была Россия, кто в ней царствовал и что она происходила». Зачем сия работа была создана? Михаил не увидел в ней ничего, кроме стремления образумить читателя, дать ему верное представление о необходимости почтения к действующей власти. Польза могла быть, рассказывая автор интересные факты из прошлого, доказывая обоснованность выдвигаемых предположений. Вместо этого князь В. Львов адресовал книгу тем, кто её никогда не сможет прочесть, поскольку к тому не стремится и читать не научен.

Немудрено снова видеть, как гневные послания Салтыкова оказались вне публикации, не пройдя требований цензуры. Как не получилось увидеть свет и заметке по поводу отражения мнения о работе «О русской правде и польской кривде...» анонимного автора, личность которого Михаил установил точно, упомянув его в тексте как Андрея Печерского (псевдоним Павла Мельникова). И тут Михаилу не понравился надуманный патриотизм, но уже не вызывающий к чувствам народа, а призванный снизить накал русско-польских противоречий.

Возможно ли вообще говорить о патриотизме, если речь заходит об иных странах, осознающих важность понимать собственную исключительность? Польский народ оказался зажат в тиски трёх империй, разорванный на части и лишённый государственности. Одна из частей стала принадлежать России, испытывавшей на прочность дух поляков, терпя поднимаемые этим вольным народом восстания. Можно было бы поддержать идею единства, одобрив возможность одновременного существования правды русских и поляков, на краткий исторический миг получивших общее прозвание россиян. Но того не придерживался Мельников, как ему о том вторил сам Салтыков, только оставаясь недовольным самим фактом чьего-то рассмотрения ситуации, указывавшей на лживость ряда польских мыслителей.

Сильного акцента Михаил не делал. Он коротко высказался, не претендуя на большее. Даже объективность не имела значения, поскольку в деле рецензирования литературных изданий приходится думать об ином. Нужно найти грань между необходимостью выражать собственное мнение и стремлением понять точку зрения автора, либо просто допустить пространный пересказ, а то и совместить всё в одном, дав читателю возможность задуматься. Рецензент исходит от необходимого объёма собственной заметки. В случае Салтыкова, он часто ограничивался малым объёмом, заходящим едва ли за тысячу слов.

О поэзии и Скавронских (1863—64)

Терпения Михаил не имел, не собираясь считаться с чуждыми ему литературными экспериментами. Некогда он сам вступал в писательскую жизнь, допуская погрешности в творчестве. Теперь казался строг, не позволяя другим ошибаться. Не задалась у него и поэзия, может потому он особо подходил к разбору поэтических сборников, высказывая своё мнение, будто имел на то дозволение. Конечно, критика не подразумевает умения писать беллетристику или поэзию, однако взвешенный подход не помешает. Но к чему не стремился Салтыков, о том остаётся лишь сожалеть.

Под рассмотрение попало издание стихотворений Всеволода Крестовского, начинавшего тогда литературный путь. Вместо поддержки, ибо находил место проявлению таланта, Михаил предпочёл разговаривать о людях второго сорта. Таковых он находил везде, как в поэзии, так в прозе и само собой среди публицистов. Зачем они сотрясают воздух им одним нужными рассуждениями? Приходится злиться за бесполезно проведённое время. Может уже потому Салтыков вновь негодовал, уставший искать действительно интересное, находя хотя бы нечто, о чём он мог худо-бедно рассказать. Крестовский — не совсем шантрапа, молод он и истинно имеет талант: примерно так говорил Салтыков. Где тут не пасть духом, отказавшись писать стихотворения вообще. С другой стороны, негативные эмоции — лучший источник для пламенных стихов. Может потому Михаил и ругал Крестовского?

Касательно Каролины Павловой и ей подобных поэтов современности, Салтыков придумал термин «мотыльковая поэзия». Сие трепетное существо живёт, будто не живя, встречается на пути преграды, не собираясь их преодолевать, порхает крыльями и упивается ощущением окружающей существование близко прогуливающейся смерти, уподобляя ныне живущее — мёртвому, а мёртвое воспринимая должным жить. Такие существа боятся обыденности, не готовы принимать происходящее в реальности, стремясь от этого отдалиться и жить в иллюзорных мирах. Взгляд Михаила строг, но вместе с тем и в чём-то правдив.

Слогом писателей Скавронских была проза. Следует сказать особо, существовали два автора-однофамильца, причём взявшие данную фамилию в качестве псевдонима. Собственно, с точки зрения Михаила, посредственный Н. Скавронский (псевдоним Александра Ушакова) и в меру талантливый А. Скавронский (псевдоним Григория Данилевского). А так как читатель постоянно путался, Салтыков провёл небольшое расследование, стремясь выяснить, кто именно пользуется личной подписью Скавронского. Объяснение необходимости использования однотипных имён понятно — так проще найти случайного читателя, не узнавшего в любимом писателе подмену. Может тут стоит говорить о Бобчинском и Добчинском из «Ревизора» Гоголя? Вдруг окажется, что оба писателя — суть один автор, прибегающий к своеобразной мистификации, а то и просто запутавшийся, какой именно у него псевдоним.

В 1864 году Михаил подольёт масла в огонь, вспомнив прежде написанную заметку, когда ему нужно будет рецензировать роман А. Скавронского «Воля». Будто бы восхищаясь, Салтыков наконец-то придёт к выводу, почему взятый для рассмотрения им автор довольно забывчив. Окажется, Скавронский не помнит, о чём писал на предыдущих страницах. Сюжет превращается в чехарду событий, где по логике не получится свести концы с концами, осознавая противоречивость рассказанного читателю. При этом Н. Скавронский уже не вспоминается, если он вообще имел хоть какое-то значение.

Сомневаться не приходится, Салтыков вдохновлялся критикой. Судя по объёму прочитанных книг, на собственное творчество у него почти не оставалось времени. В таком потоке информации, не самой радующей, Михаил находил место взвешенным словам, делясь с читателем результатами размышлений. И за это его тоже следует поблагодарить. С какой бы катего-

ричностью он не подходил к писателям-современникам, их имена заслужили более пристальное внимание.

Очерки за январь-февраль 1863

1863 год Салтыков начинал с планов по погружению в общественную жизнь. Писать предстояло много о чём. Общество довольно бурлило, обозначив новое направление в мысли, коему Тургенев дал прозвание нигилизма. Имея корнем латинское слово, прямо обозначающее отсутствие какого-либо точного значения, поскольку само по себе переводится в качестве выражения «ничего». Но требовалось более размыслить, дабы понять, так ли ново данное увлечение подросшей молодёжи, или оно поддаётся объяснению пониманием прежде происходивших процессов. Именно этого преимущественно и касались думы Салтыкова, решившего исходить от самого болезненного — бывшего у всех на слуху.

Обвинений достаивался прежде всего Тургенев. Не требовалось выдумывать термин для нигилизма. Он мог стать частью современного вольтерьянства или фармазонства. Но раз Тургенев опубликовал имевших успех «Отцов и детей», то приходится с данным фактом считаться. Нигилисты нашли новую опору для суждений, какой бы критике их воззрения не подвергались. Более яснее становится, если это течение понимать более прозаически — молодёжь стремится выделиться, заявив о праве на собственное мнение. В том нет ничего необычного — дети всегда идут против установленных отцами правил, какими бы те для них благими не являлись. Важнее казалось поступить от противного, к чему бы то не привело в итоге.

Ежели смотреть глубже, то русская философия выродилась. Приходится признать, наблюдая за отстранённостью молодого поколения, выросшего с разложившимся от слабых попыток думать умом. Хватило самого факта предоставившегося права на выражение мнения, как пошла обратная реакция, приведшая к отказу от каких-либо суждений вообще, кроме единственного, выраженного нежеланием брать на себя любую ответственность. Разве для того отцы бились за свободу взглядов, чтобы увидеть безразличие в глазах молодёжи? От понимания этого обстоятельства уйти не получится. И приходится всё же задуматься, так ли не прав оказался Тургенев, дав нигилистам их ёмкое прозвание?

Салтыков не собирался мириться, выражая собственную точку зрения. Он понимал временность сего явления. В будущем обязательно произойдёт переосмысление, пока же придётся внимать кислым лицам юнцов, которым всё равно предстоит столкнуться с непониманием уже своих детей, должных стать выше мнения отцов, обретя силы для борьбы за угасшие воззрения дедов. Потому-то он и сравнивал нигилизм с вольтерьянством и фармазонством. Как его не называй — истинная суть не изменится.

Теперь следует сказать про «Современник», где Салтыков публиковал очерки. Это периодическое издание в январе 1863 года возобновило работу, прежде не имевшее выпусков на протяжении чуть больше полугода. Как раз Михаил влился в ряды писателей, внёсших существенный вклад. А если быть точнее, то основная часть статей принадлежала перу непосредственно Салтыкова. Последовательно, сообщив вступление, он стал описывать самые беспокоящие общество темы, в первую очередь выделив нигилизм, нанизывая очерк за очерком: Благонамеренные и нигилисты, Сенечкин яд, Мальчишки, Современная эквилибристика, Происхождение и причины её.

Разбираться во всех нюансах мысли Салтыкова — не есть задача данного труда. Коли стремиться донести суждения Михаила в полном объёме, тогда проще ознакомиться с его очерками самостоятельно. Должны иметься и дополнительные исследования, полнее раскрывающие представления Салтыкова о тогда происходивших в обществе процессах. Нам же следует понять — прежде всего беспокойство вызывал нигилизм, не дающий осознать, к чему следует готовиться. Безусловно, поднимать шум из ничего не стоило, ведь как не нагнетай обстановку — всегда можно посмотреть на проблему с другой стороны, после чего успокоиться и мыслить

о происходящем иначе. Салтыков сам подвёл читателя к мысли, что всё временное временно, постоянного же не бывает вовсе.

Очерки за март 1863

Какое не возьми время, современники постоянно сокрушаются над действительностью, лишённой смыслового содержания. Присуще это было и Салтыкову. Нигилизм служил ему в том основанием. Но иное беспокоило сильнее — толстый слой картона. Кажется после случилось переосмысление, но картон от того не перестал оным оставаться. Потому с уст Михаила всё чаще срывалась критика в адрес Фёдора Достоевского, чьи персонажи — тот же картон. Сама жизнь уподобилась картону. И коли так, то возможно ли создать достойное внимания литературное произведение, лишённого черт тогда бытовавшей обыденности? Предстояло это выяснить, только Салтыков сомневался, чтобы что-то смогли изменить вследствие ставшего очевидным мнения.

Что понимать под картонной литературой? В-первую очередь, она пуста содержанием. Во-вторых, сквозит бесплодием. В-третьих, пытается прикрываться взыванием к пробуждению благородства в чувствах читателя. Всё это усугубляется явной бесталанностью авторов и их искажённым мировоззрением. И сам Салтыков не видел необходимости создавать художественную литературу сегодняшнего дня — ему не было о чём писать. А если бы он пробовал, то заранее понимал бесполезность таковых попыток. Толк создавать нетленное, обречённое истлеть тут же, не встретив полагающегося интереса? Качественное на самом деле успешно создавалось, но тонуло от невостребованности.

Осталось трудиться на ниве публицистики. Да требовался ли сей труд читательской публике? Не приходится сомневаться, что Салтыков сомневался и в этом. Не нужна читателю качественная литература, гораздо приятнее ему нечто психопатическое, рассказанное на надрыве надуманных эмоций и представленное под видом очевидности. Даже критики и литературоведы всех мастей подвержены сомнительному восприятию действительности. Они озабочены удовлетворением желания видеть новизну, либо следованию установившимся читательским вкусам. И так получается, что картон подходит одновременно одинаково для всех, готовых воспевать худшее из возможного, заражая таковым отношением даже здравомыслящих людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.